

Айгар Василевский

Первая жена

Глава первая. Письма из Италии

1. Кафе Аурелиана

Майский полдень в Риме оказался более серьёзным испытанием, чем он поначалу думал. Рим его, конечно, ждал. Из прохлады автобусного салона он шагнул на асфальт привокзальной площади Чинквеченто, и оторопело мотнул головой. Площадь дышала жаром. В аэропорту он как-то не успел прочувствовать, там вроде бы был ветерок.

До отеля, спрятанного где-то в сплетении старых улиц в квартале от вокзала, он собирался добираться пешком, сверяясь с картой. Но тут — передумал. И, оглянувшись, пошёл на стоянку такси.

Всего через пять минут, миновав пару площадей и один угрюмый дворец, они вроде бы достигли нужного места: машина нырнула в каменный проулок между старыми домами, и таксист сказал:

— Via Flavia!

Выбравшись из машины, хмурый гость Рима

сделал ещё несколько шагов вдоль дома, шурясь и подёргивая у плеча ремень сумки. Вопреки гордому названию, улочка оказалась довольно узкой. Фасад здания был обшарпан, на стене у входной двери тускло блестел длинный ряд табличек. Гость, склонив голову, изучил наименование контор, населяющих дом. Второй снизу оказалась табличка отеля «Luna Romana».

На лестнице пахло жареным луком — запах был жилым, но не гостиничным. Поднявшись на один лестничный марш, гость увидел надпись «Reception» и толкнул дверь, напоминавшую дверь на чёрный ход в старых рижских домах. В прохладной комнате с низким навесным потолком за стойкой сидели мужчина и женщина, обликом напоминавшие жителей Индии, а может, Пакистана. Женщине только не хватало между бровей красного пятнышка, знака варны. На стене под потолком урчал кондиционер. Гость назвал себя, сообщив, что его должен ждать забронированный номер.

Индус-портье моргнул в экран и тронул мышку. Женщина взглянула на гостя сонно. Гость тоже посмотрел холодно.

— Yes. Shet-kov O-leg, — произнёс портье по складам, — Moskov. Please your pass¹.

¹ Пожалуйста, ваш паспорт (англ.)

За его спиной на стене помещалась крупная — портретного формата — фотография коалы на ветке. Зверь задумчиво смотрел прямо в объектив. Можно было подумать, что это аллегория, как-то связанная с хозяином отеля или с президентом республики.

Старомодный ключ от номера был тяжёл, громоздок и обрекал клиента на досадную тяжесть в кармане. Номер, оказавшийся на последнем седьмом этаже, встретил гостя скисшей духотой. Узкое оконце выходило в колодец-двор. Стены колодца источали зной. Вдоль карниза вились и сплетались как змеи в брачную пору разноцветные кабели.

Олег Снетков, бросив на диван сумку, первым делом, извлёк из бокового кармашка второй сотовый телефон. Сосредоточенно хмурясь, составил и отослал sms: «Это Олег. Я прибыл. Когда и где?» Пять минут спустя ему пришёл ответ: «В шесть вечера в кафе Aureliana рядом с отелем».

Без четверти шесть, переодевшись по погоде — в майку и пляжные шорты, Олег спустился вниз, в прохладную комнату с коалой — избавиться от ключа. Он явился уже не хмурым странником, но беззаботным туристом.

— Hot weather!² — сказал он, улыбаясь. Он собирался выспросить путь к назначенному месту и предвкушал блуждание по зною.

Индус за стойкой, цапнув ключ, вдруг подался вперёд, блеснув глазами.

— Sorry, may be mister would like a girl tonight?³ — спросил он шелестящее.

— May be,⁴ — ответил Олег излишне игриво.

Индус заговорил громче и отчётливее:

— Nice girls. Not expensive. Good choice.⁵

— О! — Олег ухмыльнулся и произнёс русскую фразу — Огласите, пожалуйста, весь список! — но, заметив как портье моргнул, закончил с вопросительной интонацией, — Good choice?

— O yes, — забормотал портье, — we have young, very young, mature...and others...⁶

² Жарко!

³ Извините, может господин пожелает девушку вечером?

⁴ Может быть.

⁵ Прекрасные девушки. Недорого. Хороший выбор.

⁶ Мы можем предложить молодых, очень молодых, зрелых

— Ок, — многозначительно покивал гость и, будто спохватившись, поинтересовался, — safe ... Aureliana?

И произвёл руками и головой просительно-ищущий жест. Вместо ответа понятливый портье вытянул из-под стойки карту центра Рима. Сама по себе карта занимала треть рекламного постера какого-то чудодейственного мужского средства. Отметив жирной точкой местоположение отеля, портье поставил гелиевой ручкой кривой крест, отступив от точки один квартал.

Миновав жаркий перекресток, Олег сверился с постером. Он был вроде бы уже в двух шагах. С глянцевої картинки над картой мягко и как бы немного смущённо улыбался итальянский ровесник. Он был, пожалуй, даже похож на Олега. Такое же немного вытянутое лобастое, с большими залысинами лицо 40-летнего мужика, всё ещё дрящего расцвет, но и уже малость подвядшего — со складками в носогубье и серебристостью в висках.

Ровесник был, правда, более загорелым — немудрено. О смысле итальянской надписи на постере можно было догадаться. «Дружище, ты не

и другое.

поверишь, но начав принимать эти капсулы, я забыл о виагре!» Примерно так.

Олег поднял голову и увидел на другой стороне улицы кафе. Справа от вывески «Aureliana» сидела в кадке приземистая пальма — единственное зелёное насаждение на весь квартал. Он подошёл почти вплотную и несколько мгновений вглядывался через стекло. Тот, кого он высматривал, увидел его первым и сделал приглашающий жест. Олег помялся — всё же этого человека он видел впервые — но двинулся к стеклянной двери.

В темноватом углу кафе его ждал за столиком загорелый мужчина лет 50 с массивным бритым черепом. Из нагрудного кармашка цветастой рубахи выглядывали тёмные очки. Остановившись у стола, Олег после короткой паузы поздоровался.

— А я сразу узнал вас, — сказал мужчина, глядя немного исподлобья, — меня зовут Адам... Я что-то у вас читал. «Московский вестник» здесь не купить, но я заходил на сайт. Там и фотографии ваши...

— Я не пишу больше для «Московского вестника», — Олег выдвинул стул, сел, извлёк из барсетки диктофон, — не возражаете, если запишу разговор?.. Нет?.. Вас не удивило, что я вас побеспокоил?

— Да записывайте... Послушайте, вы мне

сначала объясните. Как вы узнали о смерти Али? И откуда такой интерес?

Олег Снетков хмуро покивал, роясь в глубине барсетки. Потом вытащил блокнот, проложенный газетными вырезками.

— Сначала прочитал в Сети. Случайно увидел короткую информацию на одном новостном сайте, на «Регнуме»... Потом добыл газету, — Олег подтянул к себе вырезку, — итальянскую. Вот перевод из «Республики», из криминального отдела: «Вчера утром в квартире на виа Кавур был обнаружен труп женщины 35–40 лет. По предварительным данным он принадлежит Александре Витковской, бывшей жене русского миллиардера Лисовича, который расстался с ней после скандального развода в 2007 году. Причины смерти сейчас выясняются. Следователи пока воздерживаются от комментариев и выводов.» Ну вот. Три недели уже прошло.

Снетков сложил и спрятал вырезку.

— Вы ведь хорошо знали Александру, да?.. Адам, я поясню. Мне о вас рассказала ещё в Москве одна её знакомая, может вы слышали, Рита, у неё небольшой SPA-салон... Она сказала мне, что вы были близким другом Витковской... У нее был ваш телефон.

— Знаю. Она мне звонила с Москвы. Говорила за вас.

Олег покосился в сторону нависшего слева полного официанта и отрывисто заказал яблочный фреш. Перевёл взгляд на загорелого Адама.

— Жарко тут у вас.

— В Риме в мае обычно уже жарко, — согласился Адам, — а это расследование ваше... это ваша собственная инициатива?

Олег чуть помедлил.

— Считайте, что собственная. Этот её бывший — человек весьма влиятельный и известный. О разводе их много писали... Витковской было всего 39. И с сердцем, насколько мне известно, у неё никаких проблем не было. С чего бы ей вдруг умирать? И, вообще, там есть ряд странностей.

Адам прищурился.

— А... Компромат, что ли на Лисовича ищите?.. Ну, так ладно. Если могу помочь, хорошо.

Снетков двинул по столу диктофон.

— У меня всего несколько вопросов. Таких... вполне обычных для такого случая. Александра ведь к вам относилась с доверием, да? Хорошо... Она не поддерживала после развода отношений с бывшим мужем? Ну, может, какие-то у нее оставались претензии... Какие-нибудь контакты можете вспомнить?

Адам, немного подумав, сказал:

— Претензий не было, точно. Ну, а насчет

контактов — были от него два или три письма по электронной. Я знаю. По делу. И еще... Вот, может, вам интересно будет. Я Рите-то говорил. За два или три дня до...до того как...как ее нашли, к ней приезжал человек от мужа. Мы с ней должны были встретиться, а она сказала, что не может. Сказала, что вот, мол, приехал из Москвы. Вроде, один из тех, что приезжали их разводить.

— Адвокат что ли?

— Ну, вроде. Зачем на этот раз, не знаю. Мы с ней не успели. Через день я уехал снимать свадьбу в Пьяченце, и туда мне позвонили Евгения... И сказала...

— Кто это — Евгения?

— Знакомая Али. У нее дом в Остии.

Адам замолчал. Прищурясь, рассматривал свой пустой бокал. Олег кашлянул.

— Адам, вы говорили, у вас тут фотосалон. Вы фотографировали Сашу Витковскую?

По загорелой физиономии собеседника скользнула тень: что-то щемящее мелькнуло в глазах. До этого был весьма спокоен — со дня смерти его подруги прошло три недели. Медленно сказал:

— Да. У меня салон на Трастевере. Она любила, когда я ее снимал. Вообще, к фотографиям своим относилась ревностно. Но на моих выходила хорошо.

— Можете мне подарить парочку? Я заплачу.

Адам взглянул внимательно.

— Да ладно. Выберите там что-нибудь. Но в случае публикации укажите авторство. Такое условие.

— О чём речь.

Олег допил сок, и встал, выложив с маленьким стуком на стол монеты в 1 и 2 евро.

В узком переулке рядом с кафе они отыскивали тёмно-синий Фиат-пикап. Выруливая на улицу «XX сентября», Адам вспомнил как бы между прочим:

— Да! Та самая Евгения хотела с вами встретиться. Я ей рассказал, что вы мне звонили с Москвы, и она захотела... думаю, вам полезно будет с ней иметь контакт.

— Что можете о ней рассказать?

— Ну, что... Женщина. Довольно таки богатая. Она была, наверно, единственной её подругой тут. И похороны её организовывала. Вместе со мной... В общем, лучшая подруга покойной... вот так можно сказать? Такая богатая вдова. Старше Али лет на 10. Живёт в Остии. Думаю, может что-то вам рассказать. Она Алю любила.

— Дадите её телефон?

Фотосалон на улице Трастевере размещался в двух просторных пыльных комнатах, и имел общий вход с нарядным кондитерским магазинчиком.

Получив тугой пакет с фотографиями, можно было пересечь площадку и купить яблочный штрудель. Соседство с кондитерской дарило также салону чудный аромат корицы и кофе. За конторкой маленькая пожилая сеньора в очках вела обстоятельный телефонный разговор и на слова Адама «Чао, Луиза» ответила лишь энергичным кивком. Во второй комнате хозяин фотосалона достал с полки старомодный толстый альбом. В лице и в движениях его будто проступила тихая почтительность. Олег думал, что его усадят за экран.

— Тут фото её за три последних года, — сказал хозяин глуховато.

Олег придвинул стул и сел смотреть. Фотографии все были итальянские с великолепными видами, обслуживающими главную героиню. Но, как это часто бывает, когда кто-то тщательно отсеивает и отбирает сюжеты, отбрасывая безжалостно неловкие или невыгодные ракурсы, слишком живые выраженья лица, всякие моргания, облизывания, чересчур шалые или сонные глаза, образ той, что была в центре внимания фотографа — изящной гладкорусоволосой большеглазой женщины — казался на всех фотографиях одинаков. Но всё же фотографии были сделаны профессионально и с любовью, и лето на них (в основном лето) сияло и

играло красками и цвело в глазах женщины. Фонтаны искрились с задних планов. Угрюмые колизеи и пантеоны выгодно оттеняли. Женщина была стройной, выше среднего роста.

Олег, наконец, поднял глаза и сипло сказал:

— Вот эту и эту... и ещё эту. Хорошо?

— Хорошо... А вы раньше её видели? Алю?

— Видел как-то... Кстати, Адам, а вы из Украины? С юга откуда-то?

— С чего вы взяли? Ну да, с Николаева. Уж 15 лет как здесь, такие дела.

— Вы мне обещали ещё телефон этой... Евгении.

— Да, сейчас найду... И ещё вот четыре фотки, — Адам извлёк из ящика стола тонкий конверт, — тут похороны Али. Может, пригодятся...

2. Лучшая подруга покойной

Римский вечер не принёс пролады. Старинная брусчатка и свежий асфальт щедро делились жаром, накопленным за день. Облупленные фасады норовили обступить и зажать в душные тиски. На площадях, нагретых солнцем, дышалось не лучше. Фонтаны манили, но фонтанная вода сильно отдавала хлором.

Он добросовестно дошагал по указанным

картой улицам до Колизея, и нашёл, поблуждав у входа в метро, ту точку, с которой была сделана фотография, подаренная ему последнем обожателем Александры Витковской. Потолкавшись ещё в толпе туристов, он купил и выпил бутылку с газированной водой, набрал дважды телефон Евгении (оказавшейся вне доступа) и отправился на метро до своей станции — Барберини. Посещать, пользуясь оказией, другие объекты из списка всемирного наследия, не было настроения.

На тесной улице Флавия он немного постоял, рассматривая здание, приютившего его скромный отель. Зданию было лет сто пятьдесят, не более. Отсюда он снова попытался связаться с вдовой русского происхождения, проживающей в Остии, но снова безуспешно. Адам вполне мог дать и неверный номер. В мелодии вечера ещё отчётливее проступила минорная нота. Со смутным тоскливым чувством можно было бороться с помощью доброго привычного средства — алкоголя. Были, правда, и другие варианты.

Вечерний портье, выдавший ему ключ, был, вероятно, родственником утреннего лукавого индуса. Внимательно посмотрев снизу вверх, он одними губами произнёс:

— What about girls?⁷

Олег помедлил и сумрачно кивнул. Старый гремучий лифт принял его в решетчатые объятия и отвез на седьмой этаж. Десятью минутами позже, когда он, уже включив настенный кондиционер, изучал подаренные фотографии, в номер постучали. В приоткрытую Олегом дверь заглянул смуглый плечистый парень — возможно, ещё один родственник лукавого индуса. «You have a choice», — пропел он, сладко улыбаясь. Олег распахнул дверь. В коридоре выстроилась шеренга из пяти девиц примерно одного роста, одетых одинаково — в сверхкороткие шорты и тишотки, открывавшие загорелые животы. Презентация проходила по классической схеме. Впрочем, бросив беглый взгляд, клиент сразу определил, что не выберет никого. Возможно, выбор не соответствовал его настроению. У трёх прелестниц были азиатские лица, весьма схожие на взгляд высокомерного европейца: ему легче было бы различать татуировки на девичьих предплечьях. Три другие девушки, происходившие, вероятно, из глухих углов Европы, тоже выглядели на одно лицо — из-за густого слоя грима. В самой сцене было что-то от рекламы надувных кукол.

⁷ — Как насчёт девушек? (англ.)

Клиент сурово покачал головой и шагнул обратно за порог номера. Родственник портье что-то горячо заговорил сбоку на плохом английском. Одна из прелестниц широко зевнула. Олег ещё раз сказал «нет» и закрыл дверь, не открывая торговых переговоров. С минуту он ещё стоял у запертой двери, прислушиваясь. После короткой перебранки на непонятном языке вся компания, судя по звуку шагов, двинулась в другой конец коридора.

Потом в течение часа Олег, полулёжа на широком диване, прослушивал сделанную днём диктофонную запись и смотрел выпуск новостей на итальянском. Досмотрев, послал ещё один телефонный сигнал Евгении. Когда он услышал гудки, означавшие доступность абонента, в дверь снова постучали. Выругавшись, Олег прервал связь и вскочил с дивана. За дверью в коридоре его снова ждала компания из шести овечек, одетых как в униформу в тишотки и коротенькие шорты (а во что ещё по такой жаре?!) и мускулистого пастуха. Состав овечек, вероятно, сменился. Но существенной разницы клиент не заметил. Обозрев орлиным взором всё маленькое стадо, он отчеканил в смуглую физиономию пастуха две продуманные короткие английские фразы:

— Stop it. I am fed up.⁸

И не обращая внимания на хватания за рукав, удалился в номер, хлопнув дверью.

Выждав паузу, он вновь набрал номер Евгении. Расслышав, в конце-концов, тихий ответ, Олег прокричал, как будто вдова его могла недослышать — несколько продуманных вступительных фраз. Они произвели не совсем тот эффект, который он ожидал.

— Вообще, не люблю журналистов, — сказала усталым голосом женщина из Остии, — вечно всё перевирают, переиначивают так, чтоб им было понятнее. Мыслят штампами... У меня свой опыт общения с газетчиками, знаете. Я, вообще, искусствовед... Я, конечно, не хочу обидеть вас лично. Боже упаси.

— Да ничего-ничего, я понимаю вас, — подбодрил Олег. При этом он подумал, что тетка, похоже, со странностями. В частности, со странным акцентом. Вдова говорила на хорошем русском, но это был своеобразный обитальянившийся русский.

— ... И я уж не думала, что кто-то заинтересуется судьбой Али. Но раз уж так вышло, я могла бы вам кое-что рассказать. Не так много, но мне кажется, это важно. Вы можете приехать ко

⁸ Хватит. Я сыт.

мне завтра утром?

— Да, конечно.

— Тогда запишите адрес. Буду ждать вас к 10... И ещё. Вам Адам дал фотки, да? Захватите.

После разговора он послонялся по номеру из угла в угол, вспоминая, осмысливая сказанные собеседницей немногие фразы. Потом просмотрел ещё один выпуск теленовостей, ничего не понимая, но разглядывая дикторшу — бледную шатенку, скорее всего пудрящую веснушки. Около часа ночи дверь снова пропустила робкий звук. Олег остался сидеть неподвижно, кляня себя за уступчивость при контакте с портье — за неуместный кивок. Стук повторялся ещё дважды. Олег не открыл. Потом он выключил кондиционер — на время. В номер вернулась бархатистая тишина. В тишине он снова извлёк шесть фотографий, полученных в дар от профессионала, и разложил их на диване. На одной Александра Витковская улыбалась, на остальных выглядела серьёзной и хмуровой. На фотографии с улыбкой на лоб у неё спускалось русая чёлка. На хмурых снимках лоб был открыт. Фотографий с дочерью не было ни одной. Ну, он же о них и не просил. Полулёжа на диване, Олег долго рассматривал глянцевые картинки, поднося их иногда близко к глазам. На похоронных фотографиях он не узнал никого и не увидел лица покойной: гроб был закрыт.

На следующее утро около половины десятого он вышел из вагона пригородного поезда на станции Лидо Норд. От станции, уже боясь опоздать, он взял такси. Дом под номером 84 прятался в тени платанов за лёгкой металлической оградой. Узкая улица, на которой стоял дом, вливалась рядом в тихий перекрёсток. Море тут не было видно, но оно дышало где-то рядом из-за крыш домов на соседней перпендикулярной улице. За этими домами была уже набережная и променад, о котором уведомяли верхушки пальм.

Олег немного постоял, вдыхая травянистый воздух. За оградой зеленел ровный газон. С одной стороны его обрамляли кусты, усыпанные бледно-розовыми цветами, с другой топорщилось незнакомое растение с широкими листьями. Двухэтажный дом бледно-кофейного цвета смотрел на путника с подозрением. От калитки к дому ползла дорожка, мощенная крупным камнем. Олег нажал кнопку домофона.

— Доброе утро. Это Олег Снетков. Мы с вами вчера договаривались, помните?

Спустя минуту, на дорожку выкатилась смуглая полная женщина в зелёном переднике. Докатившись до калитки, она что-то спросила по-итальянски.

— Yes, — кивнул на всякий случай Олег, смекнувший, что это, пожалуй, не хозяйка, а

горничная. Толстушка в переднике секунду подумала, потом открыла калитку и сделала приглашающий жест.

Одну из стен светлой гостиной украшал цветистый гобелен, изображавший какую-то античную сцену: нагую деву, оседлавшую могучего быка. Бык, рассекая волны, одолевал некую водную преграду: судя по узкой полоске берега с пальмой и силуэту дорического храма, Эгейское море.

Хозяйка, возникшая из-за стеклянной двери, оказалась полной противоположностью горничной — маленькой сухощавой дамой лет 60-ти. Она была одета не по-домашнему — в бежевом брючном костюме. Видно было, что ждала и готовилась. В левой руке у нее была полиэтиленовая папка с бумагами. Олег подержался за кончики тонких сухих пальцев и снова опустился на краешек дивана. Хозяйка расположилась в кресле напротив. Между ними помещался низкий столик овальной формы. Прозрачную папку с бумагами Евгения положила на край овала.

Толстуха прикатила столик на колёсах с кофейником, чайниками и чашками.

— Будете чай или кофе? — осведомилась Евгения.

Олег предпочёл зелёный чай. Хозяйка поднесла чашку к губам и посмотрела серьезно и строго.

— Послушайте, сначала я всё же хотела бы уточнить кое-что. Зачем вам это? Ваша редакция надеется подогреть какой-то интерес к этому делу?.. Ведь в России жена миллионера, а ещё хлеще миллиардера — это объект ненависти, да? Ну, правда, к таким ведь испытывают ненависть, я знаю. Таковую злобу, что Боже упаси.

— Если она уже умерла, то скорее любопытство, — заметил Олег, — да, возможно, замешанное на злорадстве. Но не ненависть.

— Ну, ладно... Значит любопытство...

Олег, секунду помедлив, вспомнил версию, легко воспринятую Адамом.

— Вы же знаете Евгения, кто был её муж. Он и сегодня один из богатейших людей России. Я помню, что они были в разводе уже почти два года. Но как складывались их отношения после развода? И мне хотелось бы выяснить реальную причину её смерти. Если она не была естественной, то кому Александра могла помешать?.. В двух наших российских таблоидах появились, кстати, коротенькие перепечатки из «Республики», но с добавлением пары фраз о том, что она умерла, судя по всему, от сердечного приступа, возникшего на фоне абстиненции либо все же от передозировки какого-то препарата. То есть, они намекают на то, что до этого она долго принимала наркотики. Правда ли это? И если нет, кто эти публикации

заказал? И ещё...

— Это мерзкая ложь, — перебила Евгения, — какие наркотики, какая абстиненция?

— Значит, это выдумка?

— В заключение медицинского эксперта есть фраза о смерти в результате паралича дыхательного центра. Но там много чего ещё сказано! И вся картина говорит совсем о другом! — сказала Евгения с горячностью.

— Да, — Олег потёр лоб, — я уже пробовал получить в полиции протокол осмотра места смерти и заключение эксперта. Не дали, конечно. Что для них такое русский журналист?

Ни в какой полиции он не был.

— Правильно, — кивнула хозяйка, — это ведь... как сказать... тайна следствия. Кто же вам даст такую информацию? Только я.

Олег потянул носом и выпрямился.

— Это очень важно, — сказал он вкрадчиво, — я бы был вам очень признателен... Это вы её нашли? Ну, сразу после смерти?

— Нет. Её обнаружила Адриана, моя... работница. Вы её видели. Она два раза в неделю убирала у Али. Аля дала ей ключ.

— Доверила ключ?

— Мы с Алей были очень близки, — сказала хозяйка внушительно. Снетков моргнул.

— ... Вы не представляете, как тут трудно

найти близкого человека, — продолжала хозяйка, — особенно русского... Я ухаживала за ней, когда у неё была... э-э... пневмония... А познакомились мы в детской клинике, где Аля и её дочь работали волонтерами, а я была в попечительском совете... Это было два года назад... Боже.

«Дочь — это отдельный разговор», — вспомнил вдруг Олег, и сказал:

— Значит, её нашла Адриана.

— Да, она как всегда в среду пришла убираться к 10 утра. Аля в это время обычно отправлялась в тренажёрный зал. Но тут Адриана увидела её в постели — заглянула в спальню и увидела. Но сперва решила её не тревожить, прибралась на кухне, потом вернулась. Её что-то обеспокоило, и она попыталась её разбудить.

Евгения на секунду задумалась.

— Там были следы насилия? — быстро спросил Олег.

Хозяйка взглянула исподлобья.

— Она лежала ничком, лицом вниз, обнажённая, но полуприкрытая простынёй.

— Обнажённая?

— Ну да. Аля обычно спала без одежды. Она мне как-то говорила: она так привыкла то ли с первым, то ли со вторым мужем. У многих женщин такая привычка, у одиноких в том числе... Вас это

удивляет?

— Нет.

— ... Никаких следов беспорядка, или там... борьбы. Она как бы просто спала. И только когда Адриана попробовала потрогать её за плечо и убрала волосы с лица, она... поняла. Аля была уже холодная. Уже несколько часов, как выяснилось. Адриана тут же вызвала полицию... Она была очень напугана. Но я же говорю, что никакой крови не было... Адриана даже успела посмотреть, нет ли на тумбочке какого-то снотворного. Но потом она ещё раз взглянула ей в лицо...

При этих словах хозяйки в гостиную заглянула всё та же смуглая горничная. Она уже избавилась от передника и переделалась в лёгкое белое платье.

— О! — хозяйка повернулась к ней, произнеся длинную итальянскую фразу с вопросительной интонацией. Адриана кивнула.

— Хорошо, — Олег поёрзал на диванчике, — но вы, кажется, не договорили. Она нашла снотворное?

— Нет, Боже упаси, — хозяйка сделала быстрое нервное движение своей немного птичьей головой, — не нашла. Но посмотрела на Алю внимательнее — в упор. И увидела... У Али были выколоты глаза.

Она сделала небольшую паузу, в течение

которой все молчали. Толстушка Адриана тарасилась на Олега, а он, покусывая губу, смотрел на хозяйку.

— Уже, после того как она умерла, — продолжила Евгения ровным голосом, — кто-то... ткнул ей в каждый глаз острым предметом, предположительно, ножом.

— Это точно произошло уже после смерти? — спросил Олег.

— Да. Примерно через два часа. Есть заключение медицинского эксперта. Я же говорила, там почти не было крови.

— Я не знал об этом, — сказал Олег тихо, — нигде не писали.

— Нет, у нас вроде бы писала потом «Республика», но, значит, вы не видели.

Снетков машинально проверил, работает ли диктофон, повертел его в руках и положил на столик с чашками. Он был ошеломлен. Молчание затянулось.

— Как её убили? — спросил, наконец, Олег.

— Это до конца не ясно. В акте экспертизы сказано, что смерть наступила от паралича дыхания, я говорила, да? На теле нет никаких следов насилия. Ее не душили, не били. Что можно тут подумать? Что кто-то явился к ней спозаранку. И, похоже, они старались создать впечатление, будто смерть вышла от того, что она

приняла какой-то препарат.

— Ничего себе! Зачем же тогда выкалывать глаза!? Одно противоречит другому!

Евгения приложила к вискам тонкие пальцы.

— Да, это какая-то дикость. И очень странно.

Снетков помолчал, бессмысленно разглядывая античную сцену на стене. Потом машинально вытащил из барсетки тонкую стопку фотографий и выложил их веером на диване.

— Думаю, что на такую месть могла пойти только женщина, — заметил он, — у неё не было никаких соперниц?

— Соперниц? А за кого бороться? За Лисовича? Тогда уж нужно искать не соперницу, а соперника. Аля говорила, что у него был..., вернее, есть один помощник... То есть он всегда был. Красивая жена Лисовичу нужна была для представительских целей. Боже мой, бедная Аля! Но вряд ли он... да и какой смысл? И зачем?

Она обратила внимание на веер из фотографий на диване и ткнула пальцем.

— ... Кстати, посмотрите на этих снимках. Адам на похоронах поймал в объектив какого-то типа. Молодой такой, похож на неаполитанца. Никто из нас, его не знал. Нас там всего-то было человек пять: я, сестра Марта, Адриана, Адам и ещё Энцо, домовладелец Али, он к ней плохо относился, но, вот, приперся... Старый лицемер... Дайте мне

фотографии. Адам сказал, что этот молодой похож на одного из помощников этого... ее мужа. Он видел, когда эти люди приезжали из России, чтоб оформить развод.

Евгения переместилась с кресла на диван, оказавшись рядом с Олегом. Он ощутил сильный сладкий запах её духов.

— Вот Энцо..., а вот этот тип... Был во всём чёрном, но вид имел такой... деловитый. Ещё спросил, почему она в закрытом гробу. По-русски спросил!

— Адам говорил мне, что за два-три дня до гибели Витковской к ней приезжал какой-то человек из Москвы! — вспомнил Олег, — но он не сказал, что видел его на похоронах. Он его, оказывается, снимал!

— Этот Адам, вообще, странный мужчина, — заявила хозяйка с ноткой надменности в голосе, — но в данном случае это объяснимо. Аля обмолвилась ему накануне, что к ней приехал очередной адвокат от бывшего мужа. Потом Адам отъехал, у него был заказ, потом Алю нашли мертвой... Адам вернулся, фотографировал ее похороны. А потом сказал мне, что этого парня уже, вроде, видел год назад.

— Если это тот, кто приезжал за два дня до гибели Али, то он, выходит, задержался, — заключил Олег.

— Задержался, — повторила Евгения, кривя губы, — или дождался... не знаю.

Гость и хозяйка с минуту продолжали вместе рассматривать похоронные фотографии. Хозяйка вдруг отложила их в сторону и задумалась. Гость ждал. Машинально обведя взглядом стены гостиной, он заметил на стене портрет усатого брюнета и вспомнил, что его собеседница богатая вдова.

Евгения вышла из состояния задумчивости.

— Олег... Дело в том, что я хотела передать вам последние Алины письма. Точнее письмо.

Она подтянула к себе пластиковую папку, извлекла из нее конверт, а из него сложенные в несколько раз листы тонкой бумаги. В папке остались еще страницы с текстом и цветными вставками. Вдова нацепила узкие очки и рассмотрела надписи на конвертах.

— Она мне их передала в феврале...и это было...м-м...весьма шокирующее объяснение. Ну, представьте! Ни с того, ни с сего моя милая молодая Аля вдруг приезжает ко мне сюда в Остию вся бледная и несчастная... Боже мой, она была в ужасной депрессии. И вручила эти письма якобы на всякий случай. Она вдруг озаботилась тем, что с ней может что-то случиться! Я ее успокаивала, но как можно успокоить, если человек не объясняет, чего он опасается?!

— Она с кем-то встретилась? — быстро спросил Олег.

— Боже мой, но она же ничего не рассказала! Я же говорю, это было ни с того, ни с сего... Одно письмо ее дочке, Оле. Я передала его ей перед отлетом в Москву. Второе письмо — оно мне. Но я решила, что оно вам тоже будет нужно... В нем есть, по-моему, важный момент. Аля... она тут поначалу касается финансовых вопросов, в основном денег на ее счетах. Ну, и тут есть один счет и на другое имя... На мужское. Но тут нужно сказать отдельно. Вы, наверно, не знаете. Аля в этом письме вскользь упоминает о том, почему она два года назад была вынуждена уехать сюда из России.

— Я думал, ей просто нравилось жить в Италии, — вставил Олег, — у ее мужа несколько домов и квартир в Европе, я думал, она просто переехала.

Хозяйка квартиры нахмурилась.

— Все не так просто. Она очень мало про это говорила. Но кое-что. И вот в письме. Она вынуждена была уехать из Москвы два года назад после смерти одного человека. Вы слышали про такого — Загида Баратова?

— Нет.

— Александра могла пользоваться его счетом, и она в последние два месяца оформила мне доступ

к нему. Она хотела, чтобы я тоже могла им пользоваться... Между нами говоря, там была не очень большая сумма, но все же.

— Мало ей было мужа, — пробормотал Олег.

Вдова дернула углом рта, и повторила, понизив голос:

— Этот человек умер примерно два года назад. В Москве. И я кое-что узнала о нем недавно. Интернет помог. И знаете, кем он был? Этот Загид был ближайшим партнером Алиного мужа. Как это говорится? Акционер. Крупный акционер. И ему было только 50 лет... И тоже какая-то странная смерть, — она выдержала паузу, — от внезапного сердечного приступа.

— У бизнесменов это бывает, — пробормотал Олег

— Да. Но у Али в письме есть такая фраза. Она там пишет, что я могу пользоваться этим его счетом. Но я должна знать, что владелец счета умер. И она пишет... вот... «Все, вообще, началось с того ужасного дня. Со смерти Загида. Надеюсь, у меня еще будет возможность все тебе рассказать... Потом...» Вот.

Олег потер лоб.

— Загид Баратов... Нет, никогда не слышал. Тоже миллионер? Ну, и что получается?... Сначала кто-то убил его, а потом ее?

— Получается, так. Но ведь это произошло не

сразу... прошло почти два года. Вот...

В этот момент подала голос Адриана, подошедшая в своём белом платье, чтобы укатить столик.

— Адриана сейчас должна уезжать к сыну, — пояснила хозяйка, — но она, кажется, что-то хотела... сказать. Потом я должна ее отпустить. Я, правда, не уверена, что это представляет интерес, но...

Несколько фраз, которые толстуха произнесла низким звучным голосом, хозяйка выслушала с лёгкой улыбкой.

— Она вспомнила случай, когда Аля вроде бы чего-то испугалась. Адриана как-то зашла к ней вместе с пожилой соседкой с первого этажа. Аля вроде бы неудачно поставила машину. Эта сеньора хотела её попросить освободить... э-э... дорогу. Аля открыла дверь и, увидев их, как-то... э-э... дёрнулась и побледнела...

Хозяйка, взглянув искоса, что-то уточнила по-итальянски. Адриана покивала.

— ...Да, как будто страшно испугалась. Но тут же и успокоилась. Машину она переставила.

— И всё? — удивился Олег.

— И всё, — хозяйка пожала плечами, — видите, она хотела хоть что-то вспомнить. О, моя Адриана обожает детективы... Боюсь, это сейчас не совсем...э-э...уместно.

— А как эта соседка выглядит? Как-то неприятно?

— Да Боже упаси! Обычная пожилая сеньора, такая тётушка из-под Неаполя, ей за 60.

— Arrivederci! — громко сказала от двери смуглая Адриана.

После ее ухода вдова развела руками с выражением благостной доброй иронии на узком лице:

— Ей ведь Аля нравилась, вот ведь как! Она плакала потом, верите?

Олег верил. Вдова снова развернула письмо, пробежала взглядом по строчкам:

— Но это еще не все. Часть денег с этого счета я могу взять себе, а часть должна как-то передать еще одному человеку.

— Так...

— ...Какому-то московскому врачу. Игорю Бойко. Таковую, знаете, немаленькую сумму. И дается его телефон. Не адрес, но телефон. Этот Бойко сам должен был сказать, куда ему выслать... В итоге она хотела разделить свои сбережения на три части. Три части, три человека. Ее дочь, этот врач и я.

— И вы с ним связались?

— Этот телефон заблокирован. И никаких других данных этого человека у меня нет.

Немного помолчав, вдова заключила:

— Он, похоже, оказал ей какую-то крупную услугу.

Олег предположил:

— Вы думаете, я мог бы его разыскать?

Вдова пожалала узкими плечами.

— Ну, если уж вы взялись разбираться с этим делом... Да, кстати, Аля потом вдруг вздумала забрать эти письма, чтоб что-то там поправить. Или, может, немного успокоилась... Хотела заехать. Но не успела. Вот такая картинка.

Олег выключил и спрятал диктофон. Вдова сложила письмо и спрятала его в конверт:

— В общем, я передаю это вам. Там еще вырезки из наших газет. Вы все внимательно читаете, и может быть, что-то там найдете... хотя там, в письме в основном, о деньгах. Конечно, полиции я показывать его не стала. Все равно они скоро закроют дело...

— Да, хотел еще спросить, — Олег потер лоб, — а дочь ее сейчас где? Вы сказали, она уехала? Как она вообще это пережила?

— Аля за два дня до смерти отправила дочь в пансионат на берегу моря... Может, чего-то уже ждала? Потом я созванивалась с отцом Оли — в письме были телефоны и адреса... О, это была история. Он был не в восторге, от того, что она должна возвращаться. У него уже давно другая семья. В общем, Оля уехала к нему.

— И живет у него?

— Нет, кажется у его сестры, у нее нет детей, но точно не знаю. Еще у нее есть бабушка, Алина мама, но Оля, кажется, все же живет пока у тети, да. Она звонила мне всего один раз. У меня нет ее нового телефона.

— Вы мне очень помогли, — сказал Олег.

— Ну, меньше чем хотела, — ответила вдова, глядя на него внимательно

3. Флорентийская ночь

Синий «Фиат» Адама пересёк площадь и свернул в узкий переулок, оказавшийся улицей Зингари. До дома на улице Кавура, где жила Александра Витковская, они собирались отсюда дойти пешком.

— Тут удобней всего, — пояснил Адам, выкручивая руль и озираясь — а там дальше нигде не припаркуешься.

— Центр, вроде, самый, — заметил Олег, — дорого, наверно, снимать тут квартиру.

— Ей нравилось здесь, — отозвался Адам, — хотя... вроде, она хотела снова переехать. Куда-то в пригород.

— Снова?

— Ну да. Она ж жила сначала в Болонье год с лишним, а потом начала менять адреса. В Пескаре

жила, а потом же сюда, в Рим перебралась.

— Она адреса меняла? Зачем?

— Да бог же её знает... нашу прекрасную пани, — Адам задумался, — хотя, нет, кое-что помню. В Болонье там случилась неприятная история — она рассказывала. Та не мне — Евгении. Ее там вроде вечером ограбили... и душили даже, но повезло — жива осталась. Помешал кто-то. Вот как. И она оттуда съехала. Не хотела больше оставаться... По правде сказать, бандитов тут везде хватает.

— Ничего себе! А из Пескары почему уехала?

— Ну, за это я ничего сказать не могу. Уехала и все. В полиции я уже все это говорил.

— Так вас допрашивали все же?

— Вызывали. Так мы же с Евгенией сразу сами сюда заявили, как узнали. Она позвонила, я приехал из Пьяченцы, я снимал там свадьбу два дня. Как раз в тот день и накануне...

Квартал, примыкающий к виа Кавур, выглядел строгим и аристократичным. Даже в лёгкой обветшалости угадывался изыск. Они шли через дворы мимо стен, покрытых плющом, мимо крохотных палисадников и небольших частных автостоянок — мест отдыха «мерседесов» и «мазератти». Впрочем, и маленькие запылённые «Фиаты» там тоже дремали по углам. Адам знал путь через дворы. У нужного подъезда он замедлил

шаг и задрал голову, будто из окон верхних этажей кто-то мог их приветствовать. Дом нависал тёмно-серой громадой. В нишах по обе стороны подъезда круглились бока декоративных амфор. Олег окинул быстрым взглядом и амфоры, и козырек над входом. Адам вкрадчиво поговорил с домофоном, и их пустили.

Из комнаты консьержки им навстречу вышла худощавая женщина с лицом увядающей восточной красавицы. Адам о чём-то коротко её спросил. Восточная женщина обстоятельно ответила.

— Ну вот, — Адам повернулся к Олегу, — всё не очень удачно — как и можно было ожидать... Это Лея, её не было в тот день. Была Аяя, но она сейчас в отпуске. А Энцо — хозяин, он, вроде, в больнице. Видите, гостя из России не ждали. А что вы хотели спросить?

Олег помедлил, давя досаду.

— Да много о чём. Ладно... Хоть посмотреть, где она жила, можно?

— Так квартира же закрыта, опечатана — напомнил Адам, — до сих пор. Просто на площадку съездить? Ну, давайте.

Древний лифт привёз их на пятый этаж.

— Вот её дверь, — сказал Адам.

На широкую лестничную площадку всего выходили две двери. Возле одной сидело в горшке низкое разлапистое дерево. Гость из России

прошёлся от лифта к углу площадки, хмуро осматриваясь.

— Там вид из окон неплохой, видна центральная часть Рима, — счёл нужным добавить Адам, глядя на дверь.

— А убирает на этажах кто? — спросил Олег.

— Утром уборщица приходит... или две даже. По одной на каждые четыре этажа.

— С ними бы тоже потолковать.

Адам взглянул удивлённо:

— Они с утра приходят. Это, во-первых. А потом с чего вы решили, что они с вами будут за это дело базарить? И Энцо, я думаю, не будет. Вы ж не полицейский... Или я ошибаюсь?

Олег сказал с досадой.

— Да, не полицейский я, Адам, поверьте. Я, и, правда, журналист. Но я думаю, итальянцы никого не найдут и скоро закроют это дело. А оно всё же... заслуживает интереса.

Адам легко согласился.

— Закроют.

— Я все же хотел бы переговорить с хозяином. Ну, с этим Энцо. Сможете оказать услугу переводчика?

— Ну... ладно. Встретиться хотите? Нужно будет сначала позвонить. Можно снизу из комнаты консьержки. А я и телефона его не знаю.

Лея была на месте и встретила их просьбу с

равнодушной лунообразной улыбкой. Одета в легчайшие белые штаны и блузу, она напоминала лукавого инструктора местной школы восточных единоборств. Ее черные волосы были забраны на затылке в небольшой хвост. Адам, кивнув на плоский телефон, стоящий на столике, пояснил ей, что говорить будет он. Лея кивнула и потом негромко диктовала цифры: Адам нажимал кнопки, а потом Олег вслушивался в звучание итальянских слов, произносимых со странным акцентом.

Адам громко поприветствовал собеседника, и сразу, понизив тон, пустился в длинные объяснения. Не договорив, повернулся к Олегу:

— Он не в больнице, он дома. Но болеет. Он говорит, что все уже рассказал в полиции и больше к этому возвращаться не хотел бы.

Адам пожал плечом, показывая, что именно такой реакции и ждал.

После секундного колебания Олег сказал с напором:

— Скажите ему, что я получил последние письма Александры, и там есть кое-что, что касается его. Мне очень важно у него уточнить. Лучше сегодня. Я хочу уже вечером уехать в Милан.

Адам, запинаясь, перевел и после выслушивал довольно долгий ответ — хмурясь и кивая.

— Он не может представить, в связи с чем,

она там его упоминала, но советует тебе показать эти письма в полиции. Он вообще не хотел бы больше касаться этого дела. У Али, по его мнению, было много криминальных знакомств, и если бы он знал, он бы не стал сдавать ей эту квартиру. Он плохо себя чувствует и встретиться с тобой не сможет... Вот так.

Положив трубку, Адам еще раз пожал плечами, кивнул Лее и вышел из комнаты консьержки.

Десятью минутами позже, когда они возвращались переулками, знакомый дорогой к машине, Олег заметил:

— Мне Евгения говорила, что он как-то нехорошо относился к Александре. Хотя на похоронах был.

— Ну да... Олег, тут многие относятся к русским подозрительно. К одиноким женщинам в том числе. Проститься он пришел, да. Ну, что ж...

— Там на ваших фотографиях есть молодой человек в черном. Вы действительно видели его когда-то раньше? Думаете, это тот, кто приезжал к Александре за два дня до ее смерти? Евгения мне сказала.

— А... Ну, я ж не могу сказать точно, кто к ней в этот раз приезжал. Но тот был похож на парня из той адвокатской команды. Тут же был бракоразводный процесс. Я ходил вместе с Алей.

Она не против была. А с его стороны была куча адвокатов...ну, то есть трое, вроде. И этот тоже, по-моему, был. Ну, мне кажется, он.

Они прошли мимо уличного кафе. Одинокая полная женщина за столиком под полосатым зонтом посмотрела им вслед. Олег после паузы предположил:

— Зачем он мог к ней снова приезжать? Хотел о чем-то договориться? Торговался? И зачем пришел на похороны? Не можете предположить?

Адам молча покачал тяжелой головой. Олег понимал, что выудил из этой поездки недостаточно — что-то еще недоспросил, недовыяснил.

— Адам, а вы упомянули, что видели как-то электронные письма ее мужа? У вас был доступ к ее компьютеру? Вообще, полиция его забрала?

Адам, крупный мужчина с лысым черепом крупно шагал, глядя перед собой и не спешил отвечать.

Олег на ходу тронул его за локоть. Адам неожиданно ухмыльнулся.

— Да не. Ноутбук ее у меня. Я к ней туда...да, заглядывал и раньше. А какие письма вас интересуют?

Олег пожал плечами.

— Ну, не знаю. Любые.

— Ну, есть там письма от мужа. И от ее московского любовника. Старые еще, двухлетней

давности. Их хотите? — Адам взглянул насмешливо

— Да. Еще и любовник был? Ну... Если в них что-то можно найти... Меня все интересует.

Адам покосился и ничего не сказал. С минуты шли молча. Потом, не ожидая нового вопроса московского визитера, житель Рима неожиданно и как-то невпопад вспомнил:

— Она кому-то говорила по телефону: «мне дышать трудно». Да, помню...

— Так может, это не в медицинском смысле?

Адам пожал плечами. Вообще, он после посещения дома на виа Кавур слегка помрачнел. Быстро шагал, сосредоточенно глядя вперед. Олег всё же решил доспросить.

— А дочь её, Ольгу, вы, значит знали?

— Знал, — обронил Адам.

— А про отца Ольги она что-нибудь рассказывала? Ну, про второго мужа?

— Он, вроде, адвокат. У него уже другая семья, но Олю он где-то поселил. Приличные деньги гребёт... С третьим, правда, не сравнить.

— А про первый свой брак ничего не рассказывала? — спросил Олег, стараясь идти вровень с крупно шагающим высоким мужчиной.

— Вы биографию Али задумали писать? — покосился Адам, — особо не рассказывала. Вроде какая-то студенческая история. Сошлись, через год

разошлись. Все дела. Я её не пытал на этот счёт. Зачем мне?.. Вас на Флавия подбросить?

Они уже стояли возле машины.

— Нет, спасибо, я на метро, дела ещё.

Олег извлёк из кармана блокнот, а из портмоне визитку:

— Спасибо вам, Адам. Но я хотел вас ещё спросить. Видите, мне не всё удалось из того, что хотел. Кое-какой информации не хватает. Для полной картины... Если вам дорога память об Але... Мог бы я вас попросить кое-что спросить у этого Энцо, у домовладельца? И письма эти ее... Когда будет удобный момент. Буквально пара пустяков, пара вопросов. Я бы прислал вам их на e-mail. Вы не против? Напишите ваш адрес.

— Хорошо, — Адам взял блокнот и ручку, — вы тоже... Если до чего докопаетесь... Напишите, что ли.

Проводив взглядом синий «Фиат», Снетков не пошёл к станции метро «Кавур», но вернулся, немного поблуждав, к дому, в котором только что побывал. Обойдя его по периметру, он постоял некоторое время у подъезда. Он пытался представить. В течении года она приезжала или приходила сюда, поднималась по этим ступеням, косясь на амфоры. Набирала код замка.

Он обвел взглядом, задрал голову, верхние этажи. Фасад был строг и величествен. Над

кромкой крыши сияла итальянская лазурь. Олег скользнул взглядом сверху вниз: остановился на кромке бетонного козырька, нависавшего над ступеньками крыльца. Отошел на несколько шагов назад. С кромки за ним следил глазок небольшого объектива — камера была почти не заметна, но, зайдя с боку, можно было разглядеть и ползущий от нее кабель.

Камера — это было важно. Олег постоял еще с минуту, потом сделал запись в блокнот и двинулся по тротуару. Метров через 50 оглянулся и еще постоял. Он внезапно ощутил, что после прогулок по переулкам рубашка-поло набухла в подмышках потом. Римский день набирал знойной силы. Даже просто сложить руки на груди было жарко.

На площади Сан-Пьетро-ин-Винколи неподалёку от виа Кавур он зашёл в кафе, поманившее уютным полумраком и искусственной прохладой. Сидя за столиком, он соорудил и отослал два sms: одно — другу, посвящённому в цели поездки, второе жене.

На вокзале он оказался около половины десятого. Пробежав взглядом по строчкам расписания, сияющим на табло, сообразил, что сверхскоростной поезд Freccia Rossa улетел без него. Для поездки в Милан предлагались также обычные региональные поезда. Упустив

сверхскоростной, он мог теперь сэкономить. Разница в ценах была, правда не ахти какая: за место во втором классе Freccia Rossa нужно было отдать 86 евро, за место в Inter City Notte — около 50. Притом, что ранее он уже вроде решил, что готов платить за скорость, теперь он был доволен сбережённой тридцатке. И ещё размышлял, не избрать ли самый экономный вариант с пересадкой в Болонье. Эту тихую скарედность, проступающую время от времени 43-летний Олег готов был счесть одним из ранних возрастных изменений: раньше с европейскими деньгами он расставался куда проще и веселее.

Пространство вокзала Roma Termini окутывало своих путников искусственной прохладой, из которой категорически не хотелось возвращаться в вечернюю асфальтовую духоту. Периодически пространство говорило своим главным женским голосом ласковые итальянские слова. Английские слова звучали суше и резче. В маленькой вокзальной пиццерии под ярко-алым знойным названием крупный человек, состоящий из головы и живота, ахнув, вдруг выронил поднос, уставленный пластиковыми тарелками с салатами и бокалом. Под сводами разлетелось эхо и звона, и аха. Человек растерянно стоял, не в силах нагнуться. В общем, нагибаться уже не имело смысла.

Олег купил, в конце концов, билет на InterCityNotte, уходящий в 23.04 и делающий остановки во Флоренции и Болонье. В Милан поезд должен был прибыть к 7 утра, подразумевая неровный сон в дороге. Остающийся до отхода поезда час Олег прощатался с сумкой через плечо по гулким залам, застревая у газетных и сувенирных киосков. Иногда, подчиняясь внезапному уколу тревожного чувства, он вдруг замирал и оглядывался. Но потом вспоминал, что в этой новой истории, затеянной им самим, приглядывать за ним на данной стадии пока ещё некому.

Поезд InterCityNotte № 1910 набирал ход довольно долго, как и «Евростар», на котором он когда-то примерно в такой же июньский вечер покидал другой красивый город. И непонятно поначалу было, откуда он потом наберёт прыти, чтобы к часу ночи долететь до Флоренции. Устроившись во втором классе, Олег, остался весьма доволен — регулировкой кресел, мягким прохладным уютom, и тем, что сидел у прохода. Место у окна занимал пожилой седой римлянин в больших очках. Сумку Олег оставил в ногах, рассчитывая иметь под рукой два купленных на вокзале журнала и очки для чтения (ещё один и более грустный признак поражения возраста).

Посетив туалет, и прогулявшись по вагону.

Олег отметил, что поезд везёт в Милан довольно много пустых кресел. Улов второго класса был невелик: за Олегом помещались две молодые пары и одинокая пожилая китайка, через проход сидели в основном бизнесмены средних лет в сорочках светлых тонов и расслабленных галстуках. Олег, кстати, не обременял себя галстуком с позапрошлогоднего визита к министру. В кампанию белых сорочек затесался и загорелый малый спортивного вида в шортах и футболке с символикой миланского «Интера»: звездой и чёрно-синей эмблемой.

Спустя примерно час InterCityNotte набрал крейсерский ход. За окнами летела фиолетовая тосканская ночь, сосед дремал, не снимая тяжёлых очков. Миновав три двери, с однообразным шипением раздвигавшиеся и смыкающиеся за его спиной, Олег заглянул в соседний первый класс, где, между прочим, застал спортсмена в шортах из своего вагона. Они обменялись улыбками. Спортсмен болтал со стюардом.

Первый класс произвёл впечатление. Олег решил, что в следующий раз не будет жмотничать: лишние 20 евро, безусловно, окупались.

Когда он вернулся к себе, они снова встретились взглядами с парнем в футболке с символикой «Интера». Он, уже сидя в кресле, разворачивал газету. Олег вдруг вспомнил, что

месяц назад миланский клуб взял первенство.

Послание, предназначенное Евгении он начал перечитывать с середины. Уместившееся на одном листе хорошей бумаги письмо состояло из двух частей. Первую часть, которую он уже штудировал накануне, Олег пропустил. Во второй части Александра расписывала, кому должно перейти право распоряжаться вкладами, размещёнными на её трёх счетах в разных итальянских банках. Средства с двух счетов полагались дочери Оле, а небольшой вклад (так честно и говорилось) на третьем счету адресату письма. Тут и всплывало имя Загида Баратова. Изначально счёт принадлежал ему. В самом конце, исчерпав финансовую тему, Александра возвращалась к теме дочери.

«Милая Женя, — писала она, — думаю, если все же что-то случится, Оле лучше будет вернуться в Россию. Я недавно говорила с ее отцом. Он не очень приветливый человек, он всегда таким был, но, судя по всему, сможет как-то помочь дочери. У него еще двое сыновей от другого брака, но к Ольке он относился неплохо. Она обязательно должна сама поговорить с ним по телефону. Все его координаты в конце письма. У него дела идут неплохо, я узнавала. К

Лисовичу не обращайся, не звони. Сама Оля, конечно, может, если захочет, но ты ни в коем случае не звони. Знаешь, может, лет через пять мы вдвоем будем перечитывать это письмо, если оно сохранится, и смеяться. Вполне допускаю. Но всегда нужно готовиться к худшему.

Оле я тоже все, что могла в письме объяснила. Буду молиться за тебя на этом свете и на том...»

Олег внимательно перечитал последний коротенький абзац. Бархатистый мужской голос уведомил пассажиров о том, что «Inter City Notte» прибывает во Флоренцию. Олег спрятал письмо в конверт и уложил его в сумку, поверх шмоток. К письму нужно было ещё вернуться.

За окном замелькали вереницы огней — поезд, сбавив ход, подплывал к вокзалу. Олег решил всё же выглянуть на перрон — зафиксировать 5-минутное пребывание в городе. На площадке ожидали уже двое мужчин в костюмах цвета кофе с молоком с небольшими изящными чемоданами: их ожидала тёплая флорентийская ночь и, возможно, ужин в дорогом ресторане на набережной Арно. Россиянин с минуту помаялся в волнах тропического одеколонного аромата. Тем временем, поезд скользнул под своды, пару раз

вздыхнул и встал. Олег, чуть выждав, шагнул на перрон. После прохлады вагона воздух Флоренции показался густым и горячим. Олег, оглядевшись, потоптался у дверного проёма, смахивающего на распахнутый люк космического корабля. Из соседних вагонов вываливались пассажиры в майках и шортах. Одна женщина тащила за ручки тёмно-зелёную сумку как две капли воды, похожую на его сумку. В то мгновение, когда он, благодушно моргал, наблюдая высадку счастливых гостей Флоренции, из люка космического поезда показался загорелый лик болельщика «Интера». Он что-то резко и громко сказал, но россиянин не понял его энергичного итальянского.

— Ок, — сказал Олег, улыбаясь, — Ок!

Итальянец выругался и выскочил на перрон.

— Not ok! — прокричал он, переходя на английский и тыча пальцем в ту сторону, куда удалялся предмет, похожий на сумку россиянина, — She took your bag! Your bag! You understand?!⁹

— Твою мать, — сказал Олег растерянно, — understand...

Он ещё раз беспомощно оглянулся на попутчика и побежал. В толпе ещё была видна

⁹ Она взяла вашу сумку! Вашу сумку! Понимаете? (англ.)

узкая спина женщины в белом и покачивающийся бок зелёной сумки. Итальянец, секунду помедлив, рванул следом. Олег уже почти нагнал женщину с сумкой, но тут воровка, мельком обернувшись, резко прибавила ходу. Она виртуозно лавировала, легко уклоняясь от встречных спешащих пассажиров и проскакивая между близко идущими людьми. Олег теперь еле успевал. Фанат «Интера» обошёл его, на ходу крикнув: «Go, go!» и «Call police!». Звонить в полицию, конечно, не было никакой возможности, а орать на ходу Олег стеснялся. Они мигом пролетели вдоль космического состава, затем женщина в белом нырнула влево, в здание вокзала. Пересекая зал, Олег отрывисто крикнул: «Stop her!». Но, конечно, без всякого толка: люди просто провожали их взглядами. Выскочив из нарядного здания вокзала, на сияющую огнями площадь, воровка резко свернула вправо. Фанат «Интера» и Олег последовали за ней. Улица, на которую они свернули, тянулась вдоль глухой высокой стены, ограждавшую, судя по всему, территорию вокзала и его грузовых терминалов. Она была освещена редкими фонарями, но выглядела безлюдной. Олег на бегу машинально отметил это, но тут же подумал и о другом: его сумка была довольно увесиста, и воровке положено было бы уже притомиться. Грохот от трёх пар бегущих ног бился

о стену и летел в томное июньское небо. Узкая улица отпустила влево от себя переулок. Женщина нырнула в него, увлекая за собой преследователей. От момента начала погони пролетело лишь несколько десятков секунд. Переулок был сумрачен и тоже безлюден — что можно было признать нормальным для второго часа ночи, даже для Флоренции.

Олег нагнал и обошёл итальянца, который как-то сдал. Воровка была уже в двух шагах — она действительно бежала тяжело, и сумка на правом плече заставляла её крениться вправо.

— Стой, зараза! — выдохнул Олег, вытягивая руку.

И, получив сильный удар сзади по голове, полетел на мостовую. Он, не терял сознания, но был оглушён и в полном смысле слова ошарашен. Падая, он расшиб локоть и колено. Корчась на асфальте, он поймал в поле зрения широко расставленные ноги мужчины. Итальянец нависал над ним, примериваясь для решающего удара. Первый раз он бил на бегу — и не вполне удачно. Его отведённый кулак показался Олегу чудовищно увеличенным, будто в нём был зажат некий предмет. Итальянец попробовал ударить снова — сверху вниз, резко в голову. Но Олег видел замах и дернулся в сторону — удар обжёг ему ухо. В это время из дальнего конца улицы послышались

весёлые пьяные крики, перешедшие в слитный бодрый ор. Безлюдность флорентийских закоулков была мнимой. К перекрёстку пёрла компания, орущая хмельную песнь на немецком языке. Итальянец, бросил быстрый взгляд через плечо и ощерился. Олег, воспользовавшись моментом, откатился в сторону. Итальянец снова подскочил и ударил — он торопился доделать начатое, но удар с этой позиции снова вышел недостаточно сильным и Олег защитился локтем. Продолжая укрывать лицо, он заорал:

— Help! Help!

Он не мог точно оценить реакцию, но пьяное пение смолкло. Олег ещё раз воззвал о помощи и получил удар ногой по рёбрам. От боли он утратил дар речи, тем более, крика, но, лёжа на боку, увидел, что его врагу уже не до него. Человек в футболке «Интера» подхватил на плечо сумку Олега, и что-то хрипло крикнул женщине. К ним уже бежали: в переулке снова стоял топот многих ног. Олегу был знаком такой культурный феномен, как пьяные немецкие туристы, горланящие ночью под окнами отеля. И, конечно, никогда раньше он не испытывал такой почти религиозной радости в связи с этим явлением, как в данный момент.

Итальянец с сумкой на плече тяжёлой трусцой побежал в сторону вокзала. Женщина в белом последовала за ним, но в какой-то момент

замешкалась, чтобы поправить туфлю. Возможно, она была не готова к новому рывку. Олег, преодолев боль, поднялся на ноги и бросился к ней. Она легко вывернулась и рванулась вслед за итальянцем. Олег попробовал, вытянув ногу с разбитым коленом дать ей подножку. Женщина споткнулась и, сделав, уже падая, пару шагов, рухнула на асфальт. При падении она глухо вскрикнула. Итальянец, на ходу обернувшись, замедлил шаг, но потом снова прибавил. Когда Олег, шатаясь, подошёл, женщина встала на четвереньки, пытаясь подняться. Он толкнул её в спину.

— Тварь! — выкрикнул он по-русски. Но от резкого движения и крика в голове колыхнулась тягучая боль. Рядом появилось четверо загорелых мужчин в шортах и майках. У одного был совершенно лысый череп и выражение злобной радости на лице — не вполне объяснимое. Все четверо тяжело дышали.

— Robbery? — поинтересовался лысый, скалясь.

— My bag, — Олег, стоял, согнувшись пополам и массируя правой рукой колено, указал левой в сторону улепетывающего итальянца, — my bag...

Двое немцев, не говоря ни слова, бросились в погоню. Двое других подошли ближе к женщине,

сидящей на асфальте. Олег разогнулся и тряхнул её за плечо.

— Сука, — произнёс он, с усталой злостью.

Женщина сбросила его руку и подняла голову. Олег увидел, что это китаянка, которую он видел в поезде, и которая там показалась ему пожилой. Она вовсе не была пожилой. Олег вдруг понял, что в сумке были его паспорт, фотоаппарат, а также письмо Александры, которые он в последний раз читал в поезде. Несмотря на гудящую голову, на саднящую боль в боку, он снова ощутил острое желание съездить по бледной матовой физиономии сидящую перед ним женщину или порвать на ней лёгкое платье. Он сделал шаг и неожиданно для себя схватил китаянку за волосы — она вскрикнула и яростно дернулась. Олег сам едва не вскрикнул от резкой боли в ребрах справа и отпустил. Сдержал себя. Немцы наблюдали с очевидным сочувствием — успокоить его не пытались.

Он глубоко вздохнул, ощерился, сделал несколько трудных шагов к тротуару и согнулся пополам, упершись в колени. Стоять, согнувшись, было легче. Правда, сильно болело левое колено. В двух окнах старого дома, нависающего над проулком, вспыхнул свет. Лысый турист, подойдя вплотную к воровке, которая всё ещё сидела на асфальте, медленно, выудил из кармана «Бермуд» пачку сигарет, зажигалку и закурил. Он

рассматривал нахохлившуюся женщину, неторопливо затягиваясь. Второй турист, прижав к уху телефон, громко и медленно выговаривал английский слова. Судя по всему, звонил в полицию. Олег расслышал название улицы — via Alamaniti. Стоя у тротуара, он наблюдал за своими спасателями, чувствовал, что шок вроде бы уходит, растворяясь где-то в крови. Нужно было уже что-то предпринимать. Благодарить спасателей, общаться с полицией, думать о ночлеге, может быть, звонить в Москву... Он ощупал карман брюк — телефон был на месте. Не всё было так плохо: при нём остались деньги и телефон. Не было, правда, паспорта.

В доме над переулком вспыхнуло ещё одно окно. Крики русского журналиста и немецкое хоровое пение, похоже, не прошли даром. На перекрестке показались фигуры двух немцев, пытавшихся спасти сумку Олега. Один из них издали развёл большие ручки.

— He is a sportsmen ¹⁰, — сказал он, сокрушённо подойдя, и имея в виду итальянца. Олег скорбно покивал. Немец что-то ещё произнёс, указывая на его щёку. Олег осторожно коснулся её, ощутив ссадину. Другой турист, звонивший по

¹⁰ Он спортсмен.

телефону, медленно сказал по-английски, что полиция сейчас будет. Все немцы выглядели солидными, пузатыми мужиками. Олег подумал, что где-то в отеле их наверняка ждут крепкозадые жены, которым будем уготована захватывающая истории, с погоней и пленными.

Китайка, между тем, поднялась с асфальта и принялась отряхивать платье. Лысый турист взял её за плечо. Китайка дёрнулась, но лысый её не отпустил.

Олег вдруг почувствовал изнеможение и опустился на тротуар, на бортовой камень. Он уже ненавидел флорентийскую ночь с её лиловым небом и густым горячим воздухом.

4. Журналист и его друзья

Олег Снетков родился и провел детство на окраине Риги, города старого и красивого, сохранившего, впрочем, немало мрачноватых мест, которым легкая запущенность и обшарпанность всегда придавала загадочности, может быть, даже шарма. Восточная окраина, где отцу Олега когда-то выделили квартиру, ни красотой, ни загадочностью особо не была отмечена. Этот свой район, именовавшийся «Третьим поселком», Снетков в юности не шибко любил. Место считалось бедным, и еще сюда частенько захаживала шпана из

соседнего и тоже бедноватого Вецмилгрависа. Из центра сюда нужно было переться на электричке минут 15. Электричка останавливалась посреди соснового бора у платформы «Вецдаугава». Лес продолжался и дальше — в ту сторону, куда поезда уходили дальше на Вецаки. Тут всегда было по дачному тихо. Это уже потом, пожив в Беляево и в Дегунино, Олег как-то неожиданно и тихо затосковал по Вецдаугаве, по тропинке между сосен, которой он топал от платформы до своей узкой и короткой улицы Палеяс, типичной дачной улочки. По утренним пробежкам вдоль протока реки, когда он вставал пораньше, желая приучить себя к спортивному образу жизни, по речному запаху. Тут было устье Даугавы, вливающейся в море протоками и рукавами. 6-квартирный двухэтажный шлакоблочный дом — в сущности, убогое жилище — стоял у самого берега. В двух шагах сосед седой Марис сооружал стапель, а затем и свою яхту-мечту, которую надлежало спустить на воду в протоке, и которую он, кажется, так и не достроил. Не достроенная она долго высилась на берегу, пугая ржавыми бортами и килем.

Олег поступил на истфак, хотя больше хотел на журналистский, куда конкурс был выше. По утрам, торопясь в университет, в центр города, он все же сбавлял ход в самом конце своей дачной улицы и успевал заскочить в стоячую кофейню

«Снайде», совмещенную с магазином, где быстро пил кофе с молоком и покупал на день пачку овсяного печенья «Веселиба». Потом бежал, поглядывая на часы, к платформе через заросли. А со стороны Вецаков уже подходил, глухо постукивая, состав из семи вагонов.

Он успел отучиться четыре года. Но тут его отца пригласили в Москву — работать в КБ крупного завода. Отец считал, что ему повезло. Олег скорее так не считал, поскольку его заметки как раз стала публиковать солидная газета «Диена». И это был шанс подправить профессию.

К тому же в жизни страны уже давно что-то назревало. Олег, как и многие, чуял запах крупной перемены — она же была и неурядица, но исторического масштаба. Для студента-историка, желающего стать журналистом, это было самое желанное время. Он был на самом первом небольшом собрании у статуи свободы, в августе 1987, после которого во всем обвиняли Яниса Рожкалнса. Потом дело пошло поживее, и летом следующего года он уже участвовал в многотысячных митингах, а перед самым отъездом в октябре приобрел первый выпуск газеты народного фронта «Атмода» (а заодно и литовскую газетку «Атгимимас»). Дома была уже упакована мебель, и Олег читал эту «Атмоду» на русском, сидя на перевернутом маленьком диване, который

очень любила мама.

В Москве отцу скоро дали квартиру — двушку в окраинном районе Беляево. Переезд, однако, положил конец и прежней семейной жизни. Отец вскоре встретил молодую женщину, и после полугодичных колебаний (с тихими скандалами на кухне) переехал к ней. Со стройной темноволосой разлучницей Олег познакомился лишь несколько лет спустя. Доучивался он на истфаке Московского университета, ему удалось перевестись без потери учебного года. Можно было бы, конечно, заново попробовать на журналистский, но там был ещё и творческий конкурс, а его Олег, ощущавший себя провинциалом, побаивался. На этом последнем курсе исторического он, между прочим, крепко сдружился с несколькими очень разными сокурсниками — обзавелся, в общем, первыми русскими друзьями. Олег поначалу числил их всех — и рыжего Павла Зырянова, и Кучевского и даже надменного Игоря Невьянцева просто симпатичными собутыльниками. А оказалось, нет — оказалось, друзья на изрядный следующий кусок жизни.

Журналистом он, впрочем, стал. На год окончания Олегом университета — 1989-й — пришёлся небывалый взлёт тиражей толстых журналов и всё ещё тонких газет. Публиковалось всё, что раньше числилось запрещённым. Таков

был спрос на правду, побывавшую в плену. Переживал подъём и жанр разоблачений. На этой волне свежий выпускник-историк Снетков влился в редакцию поначалу небольшой, но бойкой газетки. Тут и выяснилось, что у него лёгкое перо: у Олега выходило писать увлекательно на любые темы, особенно криминальные и с разбором злодейств. Он довольно быстро обзавёлся профессиональной репутацией. Его даже дважды приглашали поучаствовать в телепередачах о злоупотреблениях в психбольницах, — о них Олег тоже писал. Он обзавелся знакомствами и в среде репортеров иностранных газет и информагентств, а с одним, Даниэлем из парижской «Монд» даже ездили в совместную командировку в Новороссийск, где купались в море, пили местное вино и совместными усилиями соблазнили администраторшу гостиницы (расплачивался Даниэль). Но в июле 1991 года газета Олега перестала выходить. Причины были, в основном, финансовые, но и спрос на запретную правду, понятное дело, тоже не мог сохраняться слишком долго.

И вышло так, что в самую горячую для страны пору, когда в ней снова менялась власть и общее течение жизни (в России одно с другим нередко совпадает) Олег Снетков, уже довольно популярный 25-летний очеркист, человек писавший для газет двух стран, оказался без работы. В

состоянии неприкаянности он проболтался почти полгода, несмотря на хождение по редакциям и звонки знакомым. И это в то время, когда другие очеркисты строчили репортажи о забастовках, баррикадах и новых физиономиях в российской власти. Положим, Снетков не считал политическую журналистику своей стезёй, но он бы легко освоил... Как мог, пытался помочь и Даниэль, но Олег плоховато говорил по-английски, а по-французски не говорил вообще. В итоге, не поучаствовав в полной мере в событиях горячей поры в качестве профессионала, он восполнил это другим: он женился. Молодые безработные часто поступают неадекватно. После свадьбы главным источником дохода в семье была мамина пенсия. В это довольно голодное время Снеткова выручил бывший сокурсник, делавший быструю карьеру в политике. Пока Снетков кропал свои заметки, он, оказывается, стал самым молодым депутатом. Новое поколение шустрых и хватких вступало в дело. По протекции сокурсника Олег стал чиновником. В течение почти полутора лет он трудился в знаменитом белом здании на Краснопресненской набережной, выпуская никому особенно не нужный информационный бюллетень. Но чиновничья карьера у него не задалась. Летом 1993 года в разгар очередного кризиса Снетков разругался и разошёлся с

сокурсником-благотелем и вернулся в журналистику. Правда, главным движущим мотивом следовало считать даже не ту ссору... Но так и или иначе, Олег недолго оставался без работы. На сей раз его приняла редакция «Московского вестника» — большой газеты, славящейся умением соединять серьёзный тон и шумную бульварщину. Газета могла говорить на разные голоса. Снетков с воодушевлением занялся привычным делом — разбором грязноватых и кровавых историй. Самой громкой, помнится, была история жуткого и странного убийства банкира Игоря Когана, зарезанного в элитном посёлке «Снегири», где он снимал особняк. Банкира искололи коллекционным кинжалом, нанеся ему 27 ран, а его телохранителю тем же кинжалом попросту откромсали голову. Убийство так и не было раскрыто. Но усердный Олег успел разобрать все тонкости теневой работы банка, пикантные особенности дружеских застолий его хозяина, а также детали самого акта душегубства в Снегирях. За серией его материалов, выходивших один за другим в течение полугода, читатели следили, сигнализируя письмами. Банкиру не особо сочувствовали. В начале 1999 года резонанс получил цикл статей Олега «Кто выиграл от дефолта?» Махинации выигравших с любопытством и ненавистью изучали проигравшие.

В результате известность Олега заметно выросла. К этому времени он был женат второй раз. Если его первый брак оказался неудачен и короток как звук вдруг оборвавшейся струны, то второй раз всё вышло хорошо. Во время подготовки очерка о молодом директоре подмосковной школы, состоявшем в связи сразу с двумя ученицами выпускного класса (одна из которых и накатала жалобу), Олег познакомился с молодой учительницей истории. Тут выявилось совпадение не только интересов, но и некоторых душевных склонностей. Татьяна тоже любила неспешные выезды на дачу, тщательное изготовление греческого салата в домашних условиях, а также меланхоличный роман Набокова «Дар». Любила и выезды в Европы, но без экстрима, в спокойные тихие отели рядом с морем. Уравновешенность второй жены после взрывного характера первой Олега очень устраивала. У сына Тани и Олега весьма рано проявился талант к художественному перевираанию фактов — всегда, правда, тактически выверенному с учётом поставленной задачи. Татьяна говорила, что это в папу. Олег, возражая, указывал на то, что все его журналистские изыскания всегда диктовались борьбой за правду.

Как раз в начале миллениума он возглавил отдел уголовной хроники и чрезвычайных происшествий. Нулевые годы оказались для него

самой изобильной порой, хотя именно в это время стало принято говорить, что вал заказных убийств остался в 90-х. В итоге Олег Снетков, удостоенный даже одной профессиональной премии, смог за эти годы сколотить скромную сумму на новую квартиру. Пришлось, правда, и заниматься, но с возвращением долга можно было не спешить.

В последние годы Олег вальяжно заведовал отделом в крупном глянцевом журнале и никакими расследованиями не занимался. Поэтому старый дружок и бывший сокурсник Павел Зырянов, работающий в таможне (то есть, хорошо воплощающий судьбу выпускников исторического) сильно удивился, узнав, что Олег взял отпуск и отправился в Рим. Озвученный мотив вызвал у него сомнения, и при встрече он запросил подробностей. С Пашей можно было и, пожалуй, даже нужно было быть откровенным. По крайней мере, выказывать откровенность.

После возвращения Олега из Рима в Москву они встретились снова. Олег нуждался в консультации и помощи старого приятеля.

Они сидели за столиком в кафе «Старбакс» в цокольном этаже одной из башен московского Сити.

— ... Тут ты, по-моему, заблуждаешься. Убивать тебя они не желали. Фишка у них была в другом, — высказался Паша Зырянов, придвигая к

себе сэндвич с сёмгой, — фишка у них, по-моему, была — дать тебе понять. Слушаешь меня? То есть просто дать по голове. И... таким путём дать понять. Ну, и лишить барахла, которое ты там насобирал... Ты слушаешь меня?

Паша впился в сэндвич, не отпуская Олега пытливым взыскательным взглядом.

— И ещё вопросец. Кто на тебя навел этих двух — из поезда? А? Ты слушаешь меня? Тут думать надо.

— Я слушаю. Я думаю, — сказал Олег.

— Олежа, ты меня пойми правильно, — произнёс старый друг сквозь жевание, — я очень рад, что ты сидишь здесь более или менее целый, с относительно целой головой... Но! — Паша поднял сарделеобразный указательный палец, — тебе дали понять, что копанье на этом участке... не пройдёт безнаказанно... И это надо иметь в виду. Даже если копанье стало образом жизни!.. Нет, если б они хотели именно убить, то убили бы...

— Да не копал я особенно, — перебил Олег, — не успел.

— ... А так — просто погрозили пальцем, — продолжил Паша, — да что я тебе-то объясняю. Ты и сам все понимаешь. Просто раньше за тобой была редакция, давшая задание, и репутация газеты, и всё такое прочее... А в данном конкретном случае ничего этого нет.

— Не совсем так, — вставил Олег.

— Кстати, а с этой китайкой-то что? Кто-то ее ведь нанял. Что в полиции-то было?

— Да фигня полная. Она все отрицала, насколько я понял. Сказала, что случайно там очутилась. Немцы-то ведь ее с сумкой не видели, они видели того... Ну, она осталась в полиции, мои показания тоже. Что мне было делать? Я в Милан уехал, там в консульство пошел...

— Ну, ладно. Я просто хочу тебе сказать, что после всего, что у тебя вышло в Италии, лезть куда-то дальше — это... это нахальство. И... в конце концов, не очень разумно.

— Мне только показать фотографию, — сказал Олег, — и, Паш, я очень на тебя рассчитывал. Если можно встретиться за пределами его офиса, я готов.

Павел, глядя на стойку «Старбакса», за которой суетились парни и девки в зелёных фартуках, отпил из бокала свой «фреш» и поставил высокий стакан на стол, по-прежнему не глядя на Олега.

Девушка в фартуке, наклоняясь через стойку к седоватой полной женщине, довольно громко осведомилась: «Как вас зовут? Какое имя написать?» «Нина», — ответила полная.

— Ты мне, кстати, обещал показать её, — вспомнил вдруг Павел, вытирая салфеткой пальцы

и выпрямляясь — раздвигая мощную грудную клетку. Он был крепкий ражий мужчина, будто скроенный по лекалу начальников средней руки: квадратные плечи, широкое лицо, хитроватые карие глазки. Работа в таможне с годами каким-то образом влияет на образ человека, как и работа в полиции. Это бесспорно. Вдобавок Павел был рыжеват и седел с золотистой желтизной.

Олег добыл из кармана куртки пакет с фотографиями и высыпал их на стол. Павел подтянул к себе и уставился.

— Изменилась, — сказал он, наконец.

Олег промолчал. Пауза затянулась. Телефон Павла, лежавший на столе, запел и завибрировал. Хозяин усмирил его одним нажатием толстого пальца.

— Ищут тебя? — поинтересовался Олег.

— Обождут, — отрезал Паша. Внутри своей весьма специфической сферы он имел достаточно высокий статус. Олег на это и рассчитывал. Удобней, наверно, было бы, если б Павел Зырянов возглавлял какой-нибудь департамент не в таможне, а, скажем, в ФСБ. Но с этим ведомством Олег не дружил, и Паша, кажется, тоже. Хотя, вероятно, мотивы у них были разные.

— Хорошо, — таможенный начальник вернул Олегу фотографии и, чуть помедлив, порывшись во внутреннем кармане, извлёк и положил на стол

пластиковую карточку — девственно белую, без каких-либо обозначений. Олег повертел её в пальцах.

— Надёжная? Ты проверял?

— Проверял, положим, не я... Карта сделана именно в этом здании — на Профсоюзной. Там у Лисовича главный офис. Ты ведь туда хочешь? Ну, вот... Через турникет пройдёшь. На этаже между зонами тоже, вроде, должен. Но всё же будь там поосторожней. В некоторые зоны проходят только партнёры, гостям без сопровождения нельзя... Мы там договорились с одним парнишкой... Но главное, чтоб карту твою никто не отобрал. Подставишь человека.

— Понял.

— Если кто-то отберёт, могут быть неприятности и у человека, и у меня. Ну, и у тебя тоже.

— Да?

— Там служба безопасности суровая. Церемониться не будут. Шпионажа опасаются. И журналюг не жалуют. Ну, это само собой.

Паша поморгал, ероша крупной пятернёй светло-каштановую шевелюру.

— Олеж, это, конечно, не совсем моё дело... Но хотел всё же спросить. Слушай, тебе это так важно — ну, кто её и как?

Олег быстро ослабил, но ответил не сразу.

— Считай, мне нужно как-то поддерживать навык. Профессиональный.

Паша аккуратно промокнул бумажной салфеткой пальцы, имевшие контакт с сэндвичем. Секунду поколебавшись, все же спросил.

— Ну, и какие варианты? Ну, в смысле, версии?

Олег потер подбородок. Ему не хотелось говорить о версиях.

— Ну... В общем, туман. Но если хочешь, то две. Одна. Ее убрали, потому что она что-то знала. Не могу представить, что. Вторая — месть. Ей кто-то отомстил, скорее всего, женщина. Какая-то очень злобная. Если учитывать некоторые детали... ну, я тебе рассказывал.

— Отомстила? А за что?

— Говорю же, не знаю. Может, отбила кого-нибудь? У кого-нибудь. Она могла... Ну, наметил еще пару встреч — на основе того, что в Риме услышал. Хорошо б, конечно, чтоб этого молодца, что был на похоронах, кто-то опознал бы. Если это именно он подгрел к ней перед убийством? Тогда просто буду пытаться с ним встретиться. Еще хорошо бы с дочкой ее повидаться. С Олей. Она ей что-то объясняла в письме. Письмо ей оставила... Почитать бы его.

Паша смотрел внимательно. Олег под его взглядом посмурнел.

— Если все впустую, то...ладно. Брошу это дело. Вот точно.

Подавшись вперед и навалясь тушей на столик, Павел пробормотал:

— Как говорится, от суммы, тюрьмы и второго брака не зарекайся.

— Тогда уж от третьего, — уточнил Олег

Паша вдруг с просветленным лицом заявил:

— Вот! Слышь, чего мне пришло-то. А если это такой обычай у этих...Ну, тех, которые ее... Выкалывать глаза тем, кто видел что-то, что нельзя, а?

Олег почувствовал прилив раздражения.

— Павел, в общем, давай еще раз о том, что я буду делать в его офисе.

— Ну, понятно... Так. Там парнишка мой подгонит тебе одну тётку из HR. Она там, на кадрах года два, должна все знать... С ней будь поаккуратней. Ты ей просто фотки показать хочешь?

— Ну, может и спросить чего.

— Поаккуратней будь.

— Ладно. Слушай, у Лисовича сейчас с бизнесом всё нормально? На подъёме? Что у вас там говорят?

— Да всё хорошо, по-моему. Калийные удобрения пока в цене. И цена эта даже растёт. Он у себя там сейчас единственный крупный акционер.

Да ты в сети посмотри.

— Знаю, Паш. Я там хотел найти кое-что по его бывшему партнёру. Был такой второй акционер — Баратов Загид. Он умер неожиданно два года назад. Но, вот, кроме этого я ничего не надыбал.

— Да? Ну, я не в курсе. А это имеет какое-то отношение к твоему делу?

— Всё на свете как-то связано.

— Философом стал?

— Ладно, — Олег встал, — я поеду. Завтра вечером тебе позвоню. Супруге привет.

5. Штаб-квартира

Следующим утром он уже в 9, как и собирался, был у пересечения Профсоюзной и Обручева. Башню, вмещавшую штаб-квартиру «Рускалия» он заметил издали, но, оказавшись рядом, намучился, выискивая парковку.

Высотное здание на Профсоюзной, смахивающее на длинную вазу из дымчатого стекла, он до этого видел пару раз, проезжая здесь в сторону Калужского шоссе. Торопясь, кстати сказать, на дачу к Паше и Зине. И вот надо ж, сподобил Господь.

Внутри вазы был обширный, гулкий вестибюль, удивлявший малолюдьем. Олег предпочёл бы, чтобы тут сейчас клубилась публика,

и стоял слитный гул голосов. Его бы больше устроило действовать под шумок.

Мимо длинной, отделанной фальшивым мрамором, стойки он постарался прошествовать с отчуждённо-холодным видом. За стойкой вяло переговаривались девицы, в обязанности которых входило выписывание пропусков. У турникетов он секунду помедлил под взглядом длинного охранника в строгом сером костюме: приличные компании своих быков упаковывают дорого. Затем приложил девственно белую карточку к маленькому окошку и, дождавшись зелёного сигнала (про себя вздохнув) проник в пределы охраняемой территории.

Следующей целью было кафе на 11-м этаже. Если протекция Паши чего-либо стоила, его там должны были ждать. Он поднёс к уху телефон:

— Здравствуйте, Владимир. Да, это Олег. Насчёт меня с вами говорил Павел Зырянов... ну да... Очень признателен, что согласились встретиться. Я уже внизу, я прошёл турникет. Вы на 11-м?

Окна кафе смотрели на запад. Там над серо-коричневым царством московских крыш вставала уступами светлая башня университета. День был лазурный, погожий. Маленький чернявый Владимир, двинув по столу фотографии, заключил:

— Никогда не видел здесь этого человека. Не

знаю... Но я, вообще-то в приёмной редко бываю. Можно спросить у Дины, она из секретариата, они там всех знают. У нас штат большой.

— А как бы её увидеть?

— Она должна сейчас зайти сюда. В это время они сюда заходят обычно кофе пить.

Ещё с десятков минут они сидели над чашками. Олег, чтоб не ощущалась пауза, вполголоса делился впечатлениями о Риме. Владимир вполуха слушал. В какой-то момент он, шурясь, сказал:

— А вот и Дина пожаловала. Видите двух женщин у стойки? Дина — это которая пухлая.

Дамы из секретариата выбрали стол в углу. Когда к ним подсели двое мужчин, они воззрились хмуро — даже перестали жевать. Владимир, глядя куда-то в сторону, дал краткий комментарий:

— Это Олег Снетков, журналист из «Московского вестника». Дина, у него к тебе есть просьба.

Олег, кривя рот в вынужденной улыбке, торопливо поведал примерно то, что десятью минутами раньше впаривал своему первому собеседнику. Редакция пытается установить личность одного бойкого молодого человека, который являлся на двух-трёх светских сборищах. Никаких проделок за ним не числится, но хотелось бы внести ясность. Кое-кто почему-то узнал в нём помощника господина Лисовича — короля

калийных удобрений.

— Так он всё же что-то натворил? — осведомилась Дина низким голосом. Вопрос был не лишён логики.

— У меня нет такой информации, — заверил Олег — есть только пара его фотографий... Можете взглянуть?

Дина и её подруга уставились с явным любопытством. Дина машинально поглаживала второй подбородок.

— Нет — сказала она с оттенком разочарования, — не видела никогда такого. А почему все там в чёрном?

— Я не знаю точно, — Олег вздохнул, — значит, ошибка... Ну, помощников-то вы всех знаете, да?

— Да, — согласилась Дина, подумав, — знаю. Этот, по-моему, не наш... А чего он там такого наболтал-то?

— Насколько я знаю, ничего особенного, — сказал Олег осторожно, — просто редакция решила уточнить.

— Можно было бы нашу службу безопасности подключить, — молвила Дина задумчиво.

— Думаю, пока не стоит, — мягко заметил Олег.

В сущности можно было откланиваться и

покидать офисное царство господина Лисовича. Даже если красавчик из Рима был его посланцем и исполнял деликатное поручение, ему вовсе не обязательно было числиться у миллиардера в штате — в штате помощников или охраны. И, вообще, мало ли кого Лисович мог нанять.

— ... А на кого-то из новеньких он случайно не похож? — подала вдруг голос подруга Дины, загорелая женщина с лоснящимся лицом.

— На кого? — нахмурилась Дина.

— Ну, на кого-то из этих двоих... из Черногории... Можно взглянуть ещё раз?

Олег живо переправил фотографии через стол к ней.

— По-моему, ты ерунду говоришь, — заметила Дина, взглянув на загорелую подругу косо.

Возможно, её слова означали нечто большее, нежели то, что непосредственно вытекало из их смысла. Подруга вернула Олегу фотографии, заметив:

— Ну, ладно, показалось просто.

— Показалось?

— Новенькие не в счёт, — ответила подруга. Фраза прозвучала немного двусмысленно.

— Молодые люди, у вас всё? — спросила Дина с некоторым нажимом.

Олег, несколькими секундами раньше

собиравшийся прощаться и благодарить, ощутил наплыв досады.

— Извините, ещё один вопрос. Позволите? — и, не дожидаясь её кивка, быстро продолжал, — пару лет назад умер второй акционер вашей компании, Баратов Загид Рустамович. Ему было 49 лет. Не знаете, что с ним случилось? Я в Интернете не нашёл.

— Это имеет какое-то отношение к фотографиям? — хмуро уточнила Дина.

— Прямого не имеет, — признал Олег, — но раз уж я к вам выбрался, решил спросить и это.

— Я не знаю точно. Инсульт, кажется, — Дина бросила взгляд на загорелую подругу, — простите, молодые люди, вы нам доесть позволите? У нас времени в обрез.

— Извините, — Олег встал, — очень благодарен вам за помощь.

На лифтовой площадке он пожал влажноватую ладонь своего консультанта по офисному царству.

— Спасибо, Владимир. Видите, не очень удачно. Что-то она не в духе была. Вообще, суровая тётя... Ну, ничего. Такая у нас работа.

— Подождите, — неожиданно возразил консультант, — вас интересуется информация, как-то связанная с Баратовым? Вы просто не сказали в начале.

— Да, это меня тоже интересует.

— У нас в финансовом отделе работает женщина, которая, наверно могла бы вам что-нибудь рассказать. Мы можем сейчас к ней заглянуть. Хотите?

Огромный зал с окнами во всю стену был разбит на ячейки, отделёнными друг от друга полупрозрачными перегородками. Шагая по узкому проходу между рядами ячеек, Олег думал, что тягостного ежедневного сидения в одной из них он бы не вынес. Уже лет 15 как он жил совершенно другой жизнью, в которой вольный режим и непривязанность к месту играли существенную роль. Хотя был и у него пыльный кабинетный период. И он даже помнил, благодаря чему или точнее кому, он вырвался из того тесного мирка.

Его провожатый хорошо ориентировался в обиталище офисного планктона. Они дважды свернули и остановились у одной из ячеек. На её стеклянной перегородке красовалась синяя наклейка с афоризмом: «Деньги — корень всех бед. То же самое можно сказать и про отсутствие денег».

— Пожалуй, да, — согласился с афоризмом Олег. Его спутник заглянул внутрь ячейки.

— Камилла, здравствуйте, — сказал он её хозяйке, — я тут привёл человека. Он известный журналист. Он тут интересуется одним вопросом.

Черноволокная женщина оторвалась от экрана, повернувшись к ним в вполборота.

— Здравствуйте, — произнесла она тихо. Маленький Владимир перевёл взгляд с неё на Олега.

— Ну, ладно, — сказал он, — разбирайтесь тут. Через полчаса я позвоню по внутреннему телефону. Без меня не уходите. Тут не положено без сопровождающего.

— А что бы вы хотели узнать? — спросила черноокая Камилла, когда они остались одни, — вы садитесь вот тут, это гостевой стул.

Снетков аккуратно приземлился, оказавшись внутри ячейки: верхний прозрачный сегмент загородки позволял лицезреть затылки ещё двух соседок Камиллы. Он улыбнулся, но так, чтобы в улыбке угадывалась озабоченность.

— Я, Камилла, интересуюсь судьбой одного вашего бывшего коллеги, акционера, очень известного человека. Он был одним из основателей «Рускалия»... Был...

— Загида? — спросила Камилла.

— Угадали. Мне кажется несколько странной история с его преждевременной кончиной.

— Она кажется странной очень многим, — сказала Камилла немного нараспев, глядя Снеткову прямо в глаза.

— Вы могли бы мне рассказать что-нибудь об

этом? — вкрадчиво поинтересовался Олег, — насколько я знаю, официальная версия сводится к тому, что полтора года назад он умер дома от сердечного приступа, и потом...

— Я знаю официальную версию, — перебила Камилла.

— И что вы о ней думаете?

— Ничего, — отрезала собеседница, — но после паузы добавила, — что о ней думать... Сердечный приступ, как известно, можно вызвать.

— Он пережил какой-то стресс?

— Стресс? — Камилла криво усмехнулась, — может быть... Но есть, наверно, и медикаментозные средства. Они куда надёжнее.

— Медикаментозные? Но кто-то должен был ведь ему их дать? Или ввести? Да?

Камилла посмотрела исподлобья.

— Есть, наверно, такие специальные люди... которые в нужный момент оказываются рядом.

После краткого молчания она спросила:

— Вы собираетесь написать об этом?

— В общем, да.

— А вы видели заключение медэкспертизы? Той, официальной?

— Пока нет.

— Ну, знаете... Вам для начала надо бы её раздобыть. Заключение это... оно тоже кое-что проясняет...

— А что?.. Вы сами читали его?

— Мне пересказывала Диляра.

— Кто?

— Диляра. Сестра Загида.

— Вы знали его младшую сестру?

Камилла чуть дёрнула углом рта.

— Диляра — старшая его сестра... Она меня сюда устроила.

— Ага, — Снетков на секунду задумался, — послушайте, а... вы не могли бы мне помочь с ней встретиться? Думаю, как раз она-то мне и поможет. Она-то, наверно, в курсе всех деталей.

— Ой, нет, я не знаю, — на лице собеседницы промелькнуло что-то похожее на смятение, — я не уверена, что она сможет. Она, вообще, не очень любит журналистов... Вы уж извините. И потом ее, возможно, сейчас нет в России.

— Правда? Ну, жаль... А где она сейчас?

— Она где-то в Европе отдыхает. В Италии, кажется.

— В Италии? Можете, узнать точно?

— Не уверена... — кажется, она уже жалела, что решилась вдаваться в подробности.

Плоский серый аппарат на её столе издал негромкую трель. Камилла сняла трубку и перевела взгляд на Олега.

— Володя звонит, — сказала она негромко и ровно, — вам нужно уходить. Прямо сейчас.

Она положила трубку и встала.

— Я вас провожу до лифтов. Там Володя должен быть.

По коридору между рядами ячеек они шли очень быстро. Олег держался чуть сзади. Из ячеек им вслед бросали быстрые взгляды. У самых дверей он придержал Камиллу и быстро проговорил:

— Я мог бы связаться с вами, чтобы всё же договорить на эту тему?

Камилла приоткрыла дверь и поднесла к глазам телефон.

— Продиктуйте ваш номер. Я сама вам позвоню.

Олег шелестящее сообщил цифры, уже вдвигаясь в дверной проём. Камилла кивнула ему на прощание. В лифтовом холле стояли в ожидании две долговязые девицы. Одна из них, с рыбьим лицом окинула Снеткова равнодушным взглядом. Маленького Володи на площадке не было. Олег помялся возле девиц и, подумав, нажал на сенсорной панели кнопку первого этажа. Он помнил, что внутри кабины тут кнопок нет. Всего на обширную выложенную фальшивым мрамором площадку выходили двери шести лифтов. Олегу был обещан лифт «А» — соседний.

Две кабины прибыли почти одновременно. Сначала ожидаемая долговязыми девицами, потом вызванная Олегом: из неё вышло человек пять, в

том числе трое плечистых мужчин в строгих костюмах. Олег скользнул взглядом по их фигурам и, уставив глаза в пол, шагнул за девицами. Главными органами чувств у него стали спина и затылок. Они учуяли быстрый рысий взгляд одного из трёх в костюмах. Створки дверей уже сдвигались. До слуха Снеткова донеслось какое-то краткое междометье.

В лифте на световом табло под потолком значилась цифра «5». На пятом этаже лифт остановился, и попутчицы Олега вышли. Ему пришлось выйти тоже: дать лифту новое задание можно было только снаружи. Площадка была похожа на ту, с которой он только что сбежал — она была выложена светлой плиткой под мрамор и заперта с обеих сторон дверями из матового стекла. Девицы упорхнули в левую дверь. Озираясь, Олег ткнул нервным пальцем в цифру «1» на сенсорной панели. На панели вспыхнула буква «D», обозначавшая дальний от Олега лифт. Именно он шел на первый этаж. Олег пересёк площадку, лихорадочно соображая: охранники, засекавшие его спину, могли сразу же вызвать следующий лифт и тоже отправиться на первый. Таким образом, именно этот лифт мог сейчас привезти к нему всю группу захвата.

Он ещё раз смерил холл шагами — прошёлся от дверей к дверям, напоминая самому себе зверя в

клетке. Задержавшись на секунду, приложил свою карточку к пластине кодового замка. Потрогав дверь, убедился, что она осталась недвижима. Карточка была бессильна. Олег тоскливо оглянулся. Кабина «D» прибыла: двери раздвинулись. Олег замер в противоположном углу холла. Внутри кабины ждали — никто не выходил на площадку. Двери сомкнулись.

Олег метнулся к сенсорной панели и снова нажал «1». Другого выхода теперь точно не было. Панель посулила лифт «А». Снова томясь в ожидании, он размышлял о том, что характер угрозы сейчас не вполне явен. Не нужно паниковать. Положим, на него донесла толстая кадровичка Дина. Но дошёл ли её донос до самого верха империи? Может, они просто хотят проверить его документы и пропуск? Может быть. Но, получив первое предупреждение в Италии, он должен был готовиться к худшему.

Лифт «А» прибыл. Двери раздвинулись, и Олег увидел, что кабина пуста. Путь до первого этажа занял несколько секунд. Он вышел из лифта, напряженно глядя перед собой. Его могли встречать. Но лифтовый холл был полон народу, и, никто, кажется, не обратил на него внимания. Олег, поглядывая по сторонам, двинулся в соседний холл, переходящий в главный вестибюль. Демаркационной линией служил ряд турникетов.

До них оставалось метров 15. Олег нащупал в кармане карточку, но, сделав несколько шагов, остановился. У турникетов несли дозор четверо охранников — вместо одного, который скучал тут тридцатью минутами раньше. Эти четверо явно не скучали: напряжённо шарили взглядами по лицам тех, кто шёл к выходу. Чтобы не попасть в их поле зрения, Олег поспешно отступил — снова оказавшись у лифтов. Теперь он все же был в лёгкой панике. Рядом кто-то покидал кабины лифтов, кто-то в них заходил. Олег остановился напротив сенсорной панели. Помимо цифр от «1» до «0», на ней были ещё обозначения «-1», «-2» и несколько латинских букв. Олег ткнул в «-1».

Обещанный панелью лифт долго не шёл. Олег стоял неподвижно, таращась исподлобья на световое табло. Когда он все же отправился вниз в кабине, пахнувшей духами, вместе с ним отправилась лишь женщина, затянутая в бежевый деловой костюм. Когда двери раздвинулись, Олег узрел какой-то тусклый коридор.

— А... разве паркинг не здесь? — растерянно спросил он у попутчицы.

— Этажом ниже, — ответила она, глядя пристально.

Спустя несколько секунд они были в огромном подземном зале — царстве дремлющих автомобилей. Женщина, коротко взглянув, ушла

куда-то вдоль стены. Олег побрёл в противоположную сторону. Ещё через мгновение из-за выступа стены показался выезд — слепящий четырёхугольник света. Олег сделал несколько шагов в его сторону и замер. Со стороны выезда по асфальтовой полосе между двух длинных рядов дорогих машин неторопливо двигалась троица мужчин в костюмах. Они пытливо исследовали взглядами пространство по обе стороны проезжей части, неспешно озираясь.

Снетков отступил и, сделав несколько мелких шагов назад, вжался в стену за тёмно-синей Тайотой. Чуть выждав, он заторопился вглубь подземного зала. По его стенам наверняка были развешаны камеры. Кто-то незримый, сидящий перед экранами, мог, вероятно, наблюдать его, усмехаясь. И координировать парней из секьюрити. Пробираясь вдоль стены, Олег уже ругал себя. За интервью вовсе не обязательно было отправляться сюда, в логово. Глупая страсть к рискованным вылазкам! С другой стороны, ему удался спонтанный и, судя по всему, полезный контакт с Камиллой. Все самые важные вещи происходят спонтанно... Экая зараза эта жирная Дина. Ей не понравился его последний вопрос. Чёрт с ней!

Он отступал вдоль стены, оглядываясь и прячась за машины. Стоянка выглядела почти безлюдной — до полудня офисный люд сидел в

основном по местам, хотя неподалёку хмурый бородач грузил в заднюю дверь минивана коробки белого цвета. А в нескольких шагах впереди усаживалась в небольшой автомобиль марки «Ситроен» дама в брючном костюме. Олег прибавил шагу. Подойдя вплотную, расцвёл смущённой улыбкой и развёл руками.

— Ради Бога извините! Мы тут с женой разминулись. Dis-under-standing! Она уже отъехала и теперь ждёт меня на улице, торопит. Вы не подбросите до выезда? Я за шлагбаумом вылезу.

Несмотря на строгий взгляд из-под очков, женщина после паузы довольно мягко сказала:

— Ну, садитесь.

Кажется, с ней он спускался в лифте. На переднем сиденье лежали её сумка и тёмные очки. Не дожидаясь пока это место освободится, Олег приложил руку к сердцу и сел сзади.

Мимо стайки секьюрити, рыщущих вдоль автомобильных рядов, они промахнули мягко и будто крадучись. Но перед шлагбаумом Ситроен въехал на небольшую горку и замедлил ход. Тут охрана могла успеть заглянуть в салон. Олег тихо лёг на сиденье, и пережив несколько тягостных, жутковатых секунд, дождался момента, когда в окна машины выстрелило солнце.

Ситроен остановился, и Олег осторожно сел. Они стояли у поворота на шумную Профсоюзную

улицу. Рядом зеленел газон.

— Спасибо большое, — сказал Олег и вылез из салона.

Женщина бросила через плечо взгляд испуганной совы.

Удаляясь вдоль улицы от 30-этажной дымчатой башни, он ещё несколько раз опасливо оглянулся. Его автомобиль был припаркован у дороги метрах в трехстах. Сидя за рулём, прежде чем тронуться, довольно долго всматривался в зеркало заднего вида. Но безмятежное sms от жены, уведомлявшей о вечернем убытии на фитнес, подействовало немного успокаивающе.

Проехав несколько кварталов, он припарковался у пересечения с Ленинским проспектом, и набрал Пашу Зырянова.

— Всё в порядке, брат. Спасибо за пропуск. С кем надо перетёр.

— Ну, рад, — прогудел Паша, — а то тут Вовка звонил. Думал, прижали тебя... Кто там ещё у тебя на повестке-то? Или уже исчерпал?

— Не исчерпал ещё, — пробормотал Олег, глядя в окно, — есть тут одна дама... Я с ней уже однажды беседовал.

— А я вот тут подумал, — Паша добавил голосу значительности, — ты в Италии-то мало, что успел. Был-то всего три дня. Может, причины все искать там надо... среди новых её знакомств...

— Думаю, причины все здесь, — сказал Олег, снова глядя в зеркало заднего вида, — ладно Паш, остальное не по телефону, хорошо? Супруге привет.

Паша промолчал.

— И Ульяне тоже, — тихо добавил Олег.

— Мерси, — сдержанно поблагодарил Паша.

6. Свадьба класса премиум

С этой рослой худящей крашеной брюнеткой, хозяйкой небольшого SPA-салона на Маросейке он уже встречался один раз — за две недели до поездки в Рим. Брюнетка навела его тогда на Адама — последнего фотографа погибшей Али. Наводка оказалась верной, как и характеристика фотографа и общей ситуации. Теперь, правда, Олег мучился сомнениями: уж не вкрадчивый ли Адам пустил по его следу в миланский поезд парочку воров. Мотивов, правда, у него не угадывалось никаких, он всё же числился верным поклонником Али, но кто их там разберёт, итальянцев или обытальянившихся украинцев. Был там ещё и некий Энцо, домовладелец.... Подозревать, скорее, следовало его... Адам, между прочим, получив от Олега краткое уведомление о происшествии по пути в Милан, выслал в ответ электронной почтой не четыре, а полтора десятка фотографий взамен

утраченных. И ещё подтвердил обещание исполнить некоторые иные обязательства. Нет-нет, заносить его в чёрные или серые списки спешить не следовало.

Впрочем, новая встреча с брюнеткой из SPA-салона на сей раз не была связана с Италией. Олега теперь интересовали подробности российской жизни Саши Витковской. Брюнетка по имени Рита Забелина не была её единственной приятельницей. Приятельниц, вообще, было пруд пруди. Олег набрал таких на две странички в блокноте. Но ни одна из них не согласилась с ним встретиться, чтобы поделиться воспоминаниями. Все телефонные переговоры заканчивались раздражёнными отказами либо невнятными отговорками. В этом ряду Рита Забелина оставалась светлым исключением.

Поздним вечером, два дня спустя после вылазки в штаб-квартиру Лисовича Олег договорился с ней о второй встрече. Договорился довольно легко, посулив показать добытые в Италии фотографии. Когда он уточнял место и время, в комнату скользнула по своим делам жена, уловившая кончик светской беседы. Обычно она комментировала его изыскания весьма сдержанно. Но тут, учуяв, вероятно, каким-то нюхом суть, вдруг осторожно поинтересовалась:

— Так как её всё-таки убили?

— Пока неясно, — признал Олег, — следов насилия нет.... То есть...

— То есть что?

Олегу почему-то очень не хотелось сейчас распространяться о выколотых глазах и прочих деталях. Он сказал аккуратно:

— Вот поговорю ещё раз с этой... Забелиной, тогда что-нибудь, глядишь, прояснится.... Расскажу.

Спокойная жена Татьяна, ставшая на днях классным руководителем восьмого класса «а», сказала после раздумья:

— Приворожила она тебя.

— Её убили, — напомнил Олег устало.

— Вот и я про то же, — заметила жена, покидая комнату.

SPA-салон прятался в тихом, тесном проходном дворике, неподалёку от пересечения Маросейки с Бульварным кольцом. Через дворик можно было выйти к трамвайным путям, бегущим по бульварам вниз к Яузе. Олега сразу пригласили на второй этаж в кабинет хозяйки. Гибкий юноша проводил его до двери.

Рита оказалась всё ещё брюнеткой, но, вроде бы слегка поправилась. Олег пожал её узкую смуглую ладонь: он знал, что лобызание ручек, как и прочие проявления пошлого сексизма в этом салоне не в ходу.

Рита ему нравилась — спокойной мужской прямоотой, наблюдательностью, способностью ясно излагать мысли, полным отсутствием жеманства и, может быть, тем, что была, в сущности, мужчиной. Это, конечно, было временное, ситуативное предпочтение.

Пока она, молча, рассматривала фотографии, Олег сжато и чуть торопливо передавал свои римские впечатления. Рита заслуживала откровенности. О происшествии во Флоренции он, впрочем, умолчал.

— И что тебя теперь интересует? — спросила Рита. У неё был мягкий грудной голос — довольно приятный.

— Я пытаюсь выловить, пощупать хоть какие-то мотивы, — пояснил Олег, — меня интересует, в сущности, всё. Ну, в общем, характеристика их отношений.

— С момента свадьбы? — усмехнулась Рита.

— Свадьбы? — задумался Олег, — ну, свадьба может быть, интересна только с одной точки зрения. С точки зрения того, как у них всё это развивалось. Если выбирать исходную точку.... Если там уже что-то обозначилось. У Лисовича, ведь, была определённая репутация.

— Может, и обозначилось, — сказала Рита задумчиво, — тогда стоит вспомнить и свадебное путешествие.

— Они куда-то путешествовали?

— В Равелло.

— Извини, ... а это где?

Рита потянулась в кресле длинным жилистым телом.

— Это в Италии.... Слушай, у меня полчаса есть. Потом встреча. Если в детали пускаться, мы сегодня далеко не уедем. От точки свадьбы. Ты, вообще, убийством занимаешься или жизнеописанием?

— Надеюсь, мы с тобой не в последний раз видимся, — пробормотал Олег, — а детали важны. А что — какая-то дико затейливая свадьба?

— Скорее путешествие. У него ведь этот брак был вторым, у неё — третьим. Надо ж было придумать что-то новенькое?

— Ну да, — согласился Олег.

Сама по себе свадьба никакой особой экстравагантностью не отличалась. Скорее угадывалось стремление устроителей придать ей аристократический изыск. Лисович на сей раз пригласил только своих, самых близких — набралось не больше 40 человек. Рита, гулявшая ещё на его первой свадьбе, помнила, что тогда гостей было с полтыщи. В этот раз всё было сдержанно и камерно. Невеста была в тёмно-лазорево́м длинном платье (в белом уж отгуляла два предыдущих раза), с камелией в

тёмно-русых волосах. Она светилась мягкой улыбкой и притягивала к себе взгляды. Жених, удачно упаковавший изрядное пузцо в чёрное оксидо, тоже был хорош. Они неплохо смотрелись вместе, в чём-то оттеняя, в чём-то дополняя друг друга: она стройная, чуть выше женского среднего роста, он — невысокий, но кряжистый с широким лицом. Ей недавно исполнилось 32, ему было 44.

После регистрации свадебный кортеж, состоявший из трёх Bentley, двух Roles Royse Fantome и микроавтобуса Mercedes, отправился в Архангельское, где у леса в пределах бывшего имения Юсуповых, в ресторане прошло само торжество. Рита запомнила, что живую музыку обеспечивали две группы: до 20.00 разогревала какая-то малоизвестная, а позже прибыл Кортнев с «Несчастливым случаем». Ещё Риту впечатлило, что две медленные композиции невеста оттанцевала с Филиппом Мельниковым, смахивающим на медведя-гризли хозяином пивной империи. Он вообще-то прибыл на торжество с какой-то моделью, но по ходу запал на невесту. Лисович и устроители, вероятно, чуть-чуть понервничали, поскольку в подпитии Филипп бывал неуправляем. Но обошлось. Ещё запомнилась долгим тостом Анна Ковальская-Щепка (вторая фамилия по экс-мужу, модному дизайнеру). Эта крупная дебелая дама поведала трогательную и смешную

историю из славного прошлого жениха. Он, оказывается, ещё не сколотив первого миллиарда, помог мэрии своего родного города на Ставрополье создать небольшой городской зоопарк — воплощая какую-то давнюю детскую мечту. Предметом особой гордости стал закрытый павильон редких обезьян — обезьянник (возможно, тоже воплощавший какую-то юношескую ассоциацию), для которого энергичный Лисович даже выписал из Индонезии необычайно редкую львинохвостую макаку. Мораль сей басни сводилась к тому, что человек любящий животных не может не быть чутким по отношению к людям.

Рита была, вообще в курсе разных версий этой истории. Но судьба редкой макаки во всех случаях была полна драматизма: сначала она вроде бы кого-то укусила (чуть ли не мэра, посещавшего павильон с шефской миссией), а потом каким-то образом удрала.

В ходе торжества была, между прочим, анонсирована следующая часть программы — недельное путешествие в Италию на Амальфитанское побережье, в Равелло. Там молодой муж Лисович снял виллу. Молодые, впрочем, отправлялись туда не одни, а в компании друзей — вероятно, специально отобранных и наиболее близких. В их число, кстати, попали Рита, мадам Ковальская-Щепка, Филипп Мельников со

своей моделькой, а также ещё человек пять.

— Мне запомнилась эта поездка, — заметила Рита с тягучей мечтательной улыбкой. Она закурила тонкую сигарету, и посмотрела на Олега сквозь дым.

Олег подумал, что до сих пор не очень представляет себе, чем это Рита, дама, весьма своеобразная, заслужила столь прочное доверие — и Александры Витковской и Лисовича.

До Неаполя они летели на его самолёте. В аэропорту их ждали три минивэна. Добирались через Сорренто и Амальфи — длинной, красивой дорогой, вьющейся в основном по карнизу вдоль моря. В Амальфи была остановка, во время которой пивной магнат Филипп приятно пьяный, купил пару стильных плетёных кресел своей модельке Алисе для её гнездышка на проспекте Вернадского. Его отговаривали, напоминая про таможеню, но без толку. Молодые, между тем, посетили местный кафедральный собор, достичь которого можно было, лишь поднявшись по очень длинной широкой лестнице. Восхождение заняло три или четыре минуты: фотограф Тарас щёлкал молодых через каждые три ступени. На обратном пути Лисович чуть не свёрзнулся с самого верхнего яруса, но бдительная невеста успела его поддержать. Пивовар Филипп только посмотрел на них снизу, но подниматься не стал.

Потом на тех же минивэнах, к которым присоединился микроавтобус с итальянским персоналом, двинулись вглубь побережья по горной дороге — в Равелло. Вилла, спрятанная в лесу в паре километров от самого городка, сидящего на уступах, была обнесена старинной кирпичной стеной. К воротам вела узкая дорога, обсаженная платанами.

Рита, докурив сигарету, поднесла близко к глазам тлеющий окурок.

— А что было на вилле? — поинтересовался Олег, слегка томящийся неторопливым темпом рассказа. Допустив уход в детали, он теперь не мог жаловаться.

— На вилле? — Рита озарилась короткой улыбкой, придавив окурок в глиняном блюдце, — разврат.

Днём игрищ был назначен день третий, среда, когда гости малость изучили территорию усадьбы и попривыкли к персоналу — команде крепких, расторопных итальянских парней, нанятых Лисовичем через хорошо ему знакомую фирму из Неаполя. С утра в среду итальянцы приняли облик сатиров, напялив маскарадные костюмы, оставлявшие обнажённым торс, но добавляющие звериной лохматости нижней части тела. После завтрака они несколькими стаями охотились в леске, окружавшем виллу на нагих прелестниц, в

коих обратились гости Лисовича. Не все из них, правда, обнажились до конца, и уж точно не всех можно было счесть прелестницами, но поиграть в нимф все они оказались готовы. Сатиры были неумолимы, но как всякий обслуживающий персонал, оставались в меру предупредительны и деликатны. Деликатность, впрочем, могла принимать различные формы. Гости-мужчины суетливо перемещались между деревьями и присоединялись при желании к той или другой маленькой оргии. Сам принцип игрища, заимствованный у какого-то калифорнийского клуба и подразумевавший некую гармонию при исполнении ролей (особенно неюными участниками) был уже несколько раз опробован — в разных райских местах.

Лисович с молодой женой на правах хозяев объезжали владения на электрокаре, созерцая и обмениваясь весёлыми репликами. У Риты, по её словам тоже был кар, и она имела возможность обследовать почти всё пространство лесных забав. Она видела, например, как четыре загорелых сатира употребляли массивную Ковальскую-Щепку — раздев и привязав её к ажурной садовой скамейке. Неподдалёку стоя тех же лесных существ оказывала подобные услуги модельке Алисе, которая довольно громко кричала. Её покровитель Филипп Мельников в данный момент почему-то оставил её

без внимания и искал радостей в других уголках леса. Рита позже видела, как он совершенно голый подходил к кару хозяев и о чём-то светски беседовал, почёсывая пузо и жестикулируя другой рукой с бокалом вина. Рита запомнила, что в леске были расставлены столы с батареями открытых бутылок и закусками.

Своё участие в играх, свою роль Рита как-то не обозначила. Имела право.

— А... молодые супруги... м-м... участвовали во всём этом? — поинтересовался Олег.

— В тот раз нет. Это же было свадебное путешествие, не забывай.

— О, да, конечно, — Олег поёрзал, — я слышал про Лисовича, что он любитель забав в античном духе.... Не совсем так, как Прохоров, но в своём стиле...

— Миша Лисович всегда активно посещал свингер-клубы и вечеринки, — заметила Рита, вытягивая новую сигарету из пачки, — ну да, об этом многие слышали.... И твоя бывшая жена не могла об этом не знать. Думаю, она прекрасно знала, на что шла. Прекрасно. Думаю, у них в этом плане была гармония. Ты это хотел от меня услышать?

Олег молчал, разглядывая браслет в виде кукурузного стебля на её смуглом запястье.

— Меня уже ждут внизу, — напомнила Рита,

затягиваясь.

Олег потёр лоб.

— Мне бы хотелось в ближайшее время ещё раз с тобой встретиться. Как-то мы сегодня.... Только о свадьбе... Это не совсем то.

— Ты ж сам заинтересовался.... Ну, как-нибудь. Позвони.

— Да, ещё вопрос напоследок, — заторопился Олег, — Ты не знаешь, вот, в последние месяцы перед отъездом в Италию Саша не обращалась к пластическому хирургу? Ты не слышала про такого доктора — Игоря Бойко?

Рита подняла брови.

— Нет, не слышала. А зачем ей мог понадобиться пластический хирург? Да она прекрасно выглядела! Я же была у нее разок уже в Италии. За год до этого. Я ничего не заметила. Да с чего ты взял?

— Ну, хорошо, в какой-нибудь косметический салон она ходила? Был какой-то, который она предпочитала?

Рита неторопливо пожала плечами.

— В «Эталоне» она бывала точно.... Один раз мы вместе были. Да, у Зои. Это здесь на Покровке. Зоя Каплун.... Педикюр у неё делали. Она хороший мастер.

— Понял, спасибо.

Спустившись на первый этаж, она вдруг

спросила, взглянув искоса:

— А ваша-то свадьба, когда была? Ты помнишь?

Олег на секунду задумался.

— В 91-м. В начале сентября.

Из дворика, прятавшего Ритин салон, он вышел к бульварам. Ему, в общем, пора было ехать в редакцию, но он будто утратил энергию и ощущение времени. Вяло передвигая ноги, он прошёл весь Покровский бульвар и в конце его опустился на лавочку. Вытащив из кармана телефон, долго соображал, кому же он собирался звонить. Чувство, наплывавшее волнами откуда-то из глубины — может быть, из глубины памяти, было знакомо, но вроде бы давно пережито и изжито. Немного горестное и сладко-щемящее оно подпитывалось когда-то ревностью. Но сейчас ему точно нечем было подпитываться.

То, о чём напомнила ему Рита, было, оказывается, чем-то весьма существенным, занимающим в иерархии воспоминаний важное место. Озвученное чужим человеком воспоминание вдруг обрело цвет и запахи. Запахи были разные: плохих папирос мужа соседки с 7-го этажа, приглашенной на свадьбу, духов Climate, которыми душилась Саша, и которые он ей подарил за день до свадьбы. Ещё кухонного чада, не уходившего, несмотря на открытие настежь окна.

Олег всё же вспомнил: он хотел дозвониться жене.

Глава вторая. Свадьба впопыхах

7. Идеал

Достигнув 25 лет, Олег Снетков, выпускник истфака и безработный журналист, очень плохо представлял себе, что когда-нибудь женится. Наблюдая за тем, как одни за другим женятся друзья, как они начинают новые стадии жизни, он хранил тихую внутреннюю иронию. Он говорил, что не видит пока смысла. Зачем ему сейчас заботливая жена? Ему хватало устойчивых, примерно по году, связей с более или менее заботливыми подружками. Не говоря уже о спокойном присутствии мамы. Двухкомнатной квартиры им вдвоем было как раз. В свою комнату Олег мог водить. Его опыт по этой части был не то чтоб необыкновенно богат, но довольно разнообразен. Он принадлежал к той породе мужчин, у которых отсутствие явной харизмы и физической мощи компенсировалось мощью напора и бодрым краснобайством, а также способностью в нужный момент переходить от слов к делу. Такие качества образуют обычно

бойцовский стержень в характере. И хорошо, если им находится применение при достижении других жизненных целей. Олег Снетков пытался обычно штурмовать несколько вершин одновременно. Он находил в этом вкус и смысл жизни. Жизнь, в принципе, этого требовала. Гонке за отличным дипломом на двух последних курсах сопутствовал полуторогодичный роман с 27-летней дамой по имени Вера. Она была старше Олега на пять лет, была изящна до степени явной худощавости, и уже немного спешила. В России не вышедшие до 23 считаются засидевшимися. Несмотря на очевидную архаичность этого взгляда, он отравлял картину мира многим прогрессивно мыслящим девушкам. Вера без скандалов отошла в сторону, когда убедилась в хмурой бесперспективности молодого Снеткова как жениха. В аспирантуру он поступал уже, активно ухаживая за Таей, юной абитуриенткой из Белоруссии, приехавшей поступать в Москву в загадочный институт стали и сплавов. 17-летняя Тая относилась к разряду миловидных пышек из провинции, и была, на первый взгляд, мало совместима как тип с темой стали и её сплавов. Тем не менее, она проучилась в среде будущих металлургов едва ли не год, встречаясь с аспирантом-историком Олегом. Потом она уже вошла во вкус всерьёз, влюбилась в старшекурсника из Сирии и упорхнула с ним в

древний город Дамаск. Для Олега это был маленький драматичный поворот. На сей раз он всерьёз переживал, горестно смакуя самые острые впечатления. Таечка запомнилась, в частности (не вдаваясь в тему телесности) парой ярко-голубых глаз, пышной копной тёмно-русых пахучих волос и способностью — довольно бесполезной — мгновенно умножать в уме двузначные числа. Кстати, затея с аспирантурой тоже оказалась вполне бесполезной. Олег быстро это понял, найдя первую свою работу.

Работу в редакции газеты «Кремлевские секреты» он начал, встречаясь одновременно с двумя милыми серьёзными дамами, одна из которых (Лиля) была старше его на четыре года, а другая (Катя) аж на десять. Кто бы что ни говорил, но ему удавалось на протяжении нескольких месяцев сохранять относительную гармонию в отношениях с обеими пассиями, пописывая заметки и добиваясь интервью с хмурыми, а иногда развязными хранителями секретов. Именно в эту пору Олег стал говорить приятелям, что предпочитает любовниц в цветущем — возле 30-летней отметки — возрасте. Доводы свои он излагал убедительно. Ему импонировала женская зрелость: умягчённый опытом, снисходительный к мужским слабостям характер, полное спелым июльским соком тело, уверенное в себе и себя

знающее. Внешняя красота в этом плане не была существенна. Даже напротив. Олег предпочитал дам неброских и неярких тонов. Вполне достаточно было и умеренной миловидности, подразумевающей скромность и надёжность.

Снетков умел излагать. В общем, ему верили. Один лишь ехидный Вадик Кучевский, ещё один бывший сокурсник и верный собутыльник, мог спросить: «Тебе именно такие нравились или только такие попадались?» Вот гад! Как будто не он крутился возле Таечки, гордя длинные нелепые комплименты.

Насчёт тяги 25-летнего тогда Снеткова к 36-летним, это было, конечно, стечение обстоятельств. Но за годы беспечного поиска вкуса его, безусловно, сформировался. У него уже была шкала, по которой он отмерял плюсы и минусы.

Помимо собственно свободного поиска Олега Снеткова, как и было сказано, сильно интересовала дальнейшая карьера. И вот тут назревало, и никак не могло назреть нечто важное. От него требовался некий серьёзный шаг. Пользуясь необычайно ёмким железнодорожным жаргоном, можно было сказать, что впереди угадывалось скрещенье путей, и нужно было успеть перескочить на нужную ветку.

По стране, тем временем, гулял угрюмый кризис. Он, правда, допускал суету лоточников и ларёчников, но опустошал витрины и прилавки

больших и пока что государственных магазинов. Это тихое опустошение совпало по времени с небывалым взлётом тиражей толстых журналов, получивших право публиковать всё, что считалось прежде запретным и секретным. У Олега были знакомые собеседники, которые связывали два эти факта напрямую. Они были раздражены, если не сказать озлоблены. Олег их чувств не разделял. Как выпускник истфака он был рад увяданию запретов, раскрытию старых тайн и надеялся на лучшее. Захватанные экземпляры журналов ходили по рукам. Вся страна по крупному поделилась на раздражённых и надеющихся. И как-то не было вполне ясно, каких больше. Государство, переживавшее весьма острый эпизод в своей истории, продолжало переставаться, вспучиваться и расслаиваться внутри себя. В этой ситуации совершенно неактуальной выглядела тема создания семьи.

И всё же у Олега был наготове образ идеальной жены. Можно сказать, идеал — отвечавший его скромному жизненному опыту. Он мерцал где-то перед мысленным взором и носил, отчасти сборный характер. Там были, конечно, русые кудри, средний рост, стройные с круглыми коленями ноги. Предусматривалась и мягкая улыбка, и покладистый характер... В графе «её профессия» предполагались разные

интеллигентные работы вроде врача или учительницы, или, на худой конец, психолога. Кстати, присутствовало и влияние отечественного кинематографа, в котором Олег не признался бы никому. Никому! Но он был всё же довольно культурный юноша, отсмотревший набор культовых драм и мелодрам. Его пленяли в основном мягкие бархатистые образы, отмеченные мечтательностью. Таковые находились в некоторых общедоступных местах: в фильмах «В моей смерти прошу винить Клаву К.» (Туся — подруга главной героини), «Хождение по мукам» (разумеется, Даша), «А зори здесь тихие...» (Рита Осянина) и т. д. На вкус это был скорее отвар ромашки и мяты, нежели коктейль из сангрии с текилой. Фильмы эти он смотрел еще в Риге.

Впрочем, многим лицам старше 12 лет, известно, что жизнь — не кино. В жизни милым мордашкам часто соответствуют гнуснейшие характеры, а комбинированные образы распадаются обычно на несколько отдельных личностей, собрать которые вместе удалось бы разве только в гареме. Олег, возможно, и грезил о таком варианте, сознавая его сугубую нереальность.

В общем, карьера была, конечно, актуальней семьи.

И тем не менее...

Тем не менее, однажды сентябрьским вечером

во время посещения в больнице старого друга Паши Зырянова, подхватившего пневмонию, Олегу пришлось вспомнить о своём весьма умозрительном идеале. В процессе дружеской беседы в коридоре Паша глазами указал на проходившую мимо худощавую русоволосую девушку среднего роста в униформе медсестры. Снетков проводил её быстрым взглядом.

— Это Саша, — вполголоса пояснил рыжий Зырянов, ухмыляясь, — сестричка в отделении. Но учится в медицинском институте, на четвёртом курсе уже... Или на третьем. Врачем, будет, эндокринологом.

— Ты уже в курсе всех деталей?

— Почему бы выздоравливающему больному не пообщаться с симпатичным персоналом, — Паша надвинулся широким ликом лукавого крестьянина-кулака с широкой картохой носа и выпуклым лбом, — эх, рано я женился, брат. Я б такую не упустил.

— Да ну?

— Фишка не в том, что хорошенькая, — мечтательно произнёс Паша, извлекая сигарету, — а, в том, что добрая... В натуре добрая!

Спустя пару минут он вдруг вспомнил еще одну деталь.

— Слушай, она ж, кстати, твоя землячка, ну! Из этой, где автобусы делают... из Елгавы! Это же

рядом с Ригой, да?

Олег поухмылялся, и минут через десять, возможно забыл бы о сказанном, но на обратном пути из курилки, они опять встретили Сашу — оказавшись на встречных курсах лицом к лицу. И тут Снетков замер: перед ним был образ, взлелеянный его воображением. Таково было его первое впечатление о её внешности, разумеется, лишь о внешности. Хрупкая русоволосая девушка с нежным, немного курносым лицом преданной Герды из сказочки про королеву из Лапландии согласилась дать свой домашний телефон. И далее всё покатило более или менее накатанным путём: вторая встреча в кафе — театр — прогулка в парке — ещё один театр. Питая к девушке интерес, Снетков мог вцепиться как клещ.

Отчасти ему повезло. Его изначальный натиск происходил в условиях отсутствия конкуренции. Потенциальный соперник, о котором Олег не догадывался, находился в данный исторический период в ссоре с девушкой из сказки про королеву. Возможно, он предпочитал именно королев, а Герд был склонен недооценивать. Снетков мобилизовал весь свой арсенал атакующих средств. Исчерпав за месяц театрально-киношную тему, он в какой-то момент даже засомневался: а есть ли у него реальные шансы? Дело было в том, что Саша отказывалась ехать к нему в гости. Но поскольку

довольно пылкие поцелуи цвели уже со второй встречи, ему следовало просто проявить терпение и некоторую изобретательность. Он и проявил. И вскоре Саша стала считаться его невестой.

Она и впрямь происходила из города Елгавы, но Рига ей тоже была, по ее словам, не чужой: она училась тут в медучилище № 2. После училища, впрочем, был переезд в Подольск, в ближнее Подмосковье и мединститут. Рижская тема в их разговорах возникала редко, но добавляла, да, добавляла их отношениям тихой родственности.

Рыжий Зырянов не без оснований титуловал себя инициатором и крестным отцом данного союза. Нужно сказать, он не ошибся в главном: у девушки с обликом Герды из сказки характер, и впрямь, соответствовал образу. Она была милой, добродушной и терпеливой. Например, она несколько раз дожидалась Снеткова, когда он опаздывал на очередные свидания и не укоряла его после. Она подарила ему красивую рубашку в мелкую светло-голубую клетку. Она стоически перенесла эпизод, когда Снетков, принимая у себя в гостях Пашу с Вадиком и представляя им новую подругу, напился до поросячьего визга принесённым Вадиком домашним вином, и в ванной, плохо владел речью, дважды назвал Сашу предыдущим женским именем. Другая на её месте плюнула бы, хлопнула дверь и уехала бы,

несмотря на ночное время. А Саша осталась, и утром, рассказывала о вчерашнем, преподнося ситуацию скорее в смешном свете. Снетков, мотая тяжёлой головой, извинялся и каялся. Она еще была прилежной студенткой и помнила из курса биологии такие трогательные нюансы, что Снеткова разбирал смех. Саша, в частности, умилялась самцу стеклянной крапчатой лягушки, ухаживающему за икринками и головастиками в отсутствии самки. Снетков слушал об этом и восхищенно мычал. Наконец, когда его мама, Зинаида Сергеевна внезапно слегла с гипертоническим кризом и долго приходила в себя, Саша проводила с ней времени куда больше Олега. Она почти переехала и должна была перевезти часть гардероба. Восстановившись, Зинаида Сергеевна уже сама не хотела отпускать её и намекала сыну. Олегу и без того казалось, что пора уже делать выбор. Он знал, что вовремя остановиться бывает подчас так же важно, как и не остановиться на первом же опыте. Саша, и впрямь, хорошо воплощала многое из того светлого, мягкого, нежного, что он в своё время намечтал. Крохотными неудобноназываемыми нюансами можно было пренебречь. В общем, спустя четыре месяца после знакомства он позвал Сашу замуж. Сформулировать само это диковинное предложение оказалось сложнее, чем он думал. Сидя на диване

против терпеливой Саши, Олег давился словами. Но всё же их произнёс. Над страной плыл май 1991 года.

Сделав Саше предложение, Олег вдруг заторопился. Он решил, что оформляться нужно, не мешкая. По целой россыпи неброских, но весьма существенных, на его взгляд, признаков он сообразил, учуял, что вытащил из мешка морозного деда неожиданно дорогой подарок, предназначенный, возможно, вовсе не ему.

Для начала напомнил о себе соперник. Находясь у Саши в гостях в городе Подольске (откуда она ездила в московскую больницу), Олег дважды или трижды был свидетелем телефонных звонков. На которые Саша реагировала нервно, прерывая разговор краткими негромкими отповедями с примерно одинаковыми концовками: «Ну, я же тебе уже сказала! Всё, пока...» или «Нет! Зачем ты звонишь? Ну, всё...» Как-то раз похожим образом отвечала и тёща, подменяя дочь и реагируя вместо неё на неурочный звонок.

К лету Саша сменила образ и стиль, перейдя на короткие, облегающие платья бледных тонов, на короткие же юбки с кофточками и облегающие же белые лёгкие брюки в сочетании с чёрно-белым топом (подарком жениха). И тут Олег впервые понял, каково оно — быть приложением к яркой спутнице. Во время прогулок по набережной Пахры

в Подольске или по июньскому Петровскому бульвару в Москве их поедали взглядами встречные мужики, молодые и не очень, встревоженные красотой и походкой летней Саши. Они, вероятно, не только пялились, но и оборачивались и провожали взглядами, стремясь оценить стройность Сашкиных ног и выпуклость её задка, обтянутого белыми брючками или короткой юбкой. Один раз Олег это зафиксировал точно — резко обернувшись и поймав чужую плотоядную ухмылку.

Иногда встречные ловеласы оглядывали и спутника Саши. Быстро перетекали взглядами с неё на него. И хотя их реакцию понять было трудно, Олег читал в глубине этих встречных мужских глаз глубинную инстинктивную неприязнь.

Да что там встречные рожи! В присутствии Саши как-то таяли или подтаивали даже старые закалённые дружки вроде Вадика с Пашей. Они вдруг начинали заводить вязкие разговоры о болезнях близких родственников, выводя невесту Олега на долгие профессиональные темы. Долговязый глумливый балабол Вадим, оказываясь с Сашей наедине (если Олег шёл ставить чай), заметно терялся, путался в словах или пытался бормотать натужные комплименты. В больнице, где Саша дорабатывала медсестрой, доучиваясь одновременно на последнем курсе института, уже обнаружились влиятельные почитатели её

достоинств (в том числе и профессиональных): они звали ее в интернатуру, суля перспективы.

В общем, Олег ощутил неясную угрозу: невесту могли увести прямо из-под носа. Ситуация будто назрела в считанные месяцы жениховства. Ощущение было новым. Противопоставить ему можно было одно — быструю свадьбу.

Трёх месяцев после заявления он ждать не захотел. В середине июля он решил, что всё произойдёт в середине августа. За месяц нужно было что-то решить с деньгами, продуктами и рестораном. Но в данную историческую пору имели место трудности и с первым, и со вторым, и с третьим. Да и вообще, денег на свадьбу выходило в обрез — даже с учётом вклада отца.

Будущая тёща благоразумно советовала не спешить и перенести торжество на октябрь. В октябре должен был открыться после ремонта ресторан «Ландыш» на Профсоюзной, где у неё был знакомый администратор. Тещи в таких делах обычно не склонны откладывать, но тут была обратная ситуация. Мама невесты, кажется, начинала сознавать, что у дочери в любом случае будет богатый выбор.

Она говорила Олегу и его маме: «Ну, к чему такая свадьба впопыхах?!» Но ничего и никуда переносить Олег уже не собирался. Хотя с ресторанами в данный исторический момент, и

впрямь, была беда. Дорогие и престижные, вроде «Славянского базара» и «Арагви» были безработному журналисту не по карману. А среди немногочисленных заведений в окрестностях Беляево и выбирать-то было нечего. Почти все выглядели на редкость убого и обшарпанно. В их прокуренных залах не было уюта. Об их кухне не хотелось даже думать. А в относительно приличных «Москвичке» и «Теремке» у самого метро заказать зал на субботний вечер оказалось невозможно из-за острой конкуренции. Все субботы в этих кафе были расписаны аж до начала ноября: свадьбы и дни рождения выстраивались в длинную очередь. Можно было пристроиться только в самый её конец. В итоге Олег, и без того настроенный к советскому общепиту скептически, решил устроить торжество дома.

У будущей тёщи это опять же не вызвало энтузиазма. Но под воздействием Сашиных уговоров, Анна Максимовна смягчилась. Она, в общем, считала жениха перспективным, хотя и безалаберным. С учётом смены стратегии она договорилась с поваром Равилем из всё ещё закрытого «Ландыша» о том, что он возьмёт на себя главную часть торжества, включая сервировку стола. Профессионал Равиль, только что вышедший из запоя, был полон энергии.

Двухкомнатное жилище в Беляево площадью

чуть больше 40 метров было неидеальным местом для проведения свадьбы. Приведение места в состояние готовности требовало немало суеты. Олег запомнил, как Сашка с будущей свекровью торопливо драили совмещённую ванную комнату, про которую свекровь говорила, что это лицо квартиры.

Со второй половины июля Саша находилась в отпуске: медсестринские обязанности уходили в прошлое, и она должна была оформлять документы в интернатуру. Пользуясь свободой, жених с невестой вставали не рано и нередко принимали душ вдвоём. Тогда утро затягивалось до полудня. Банное тепло имело запах хвойной эссенции — единственный тогда недорогой аромат для ванн. Олег его хорошо запомнил. Возможно, они подсознательно хотели немного продлить это утро жизни.

8. Медовые недели

Они не сразу выбрали дату свадьбы: сначала наметили август, но потом выплыл сентябрь, поскольку на август у будущей свекрови выпал долгожданный отдых в санатории.

17 августа они отправились в Переславль Залесский в краткое предсвадебное путешествие, поскольку свадебного не планировалось. Весть о

государственном перевороте застала их 19-го в холле Переславской гостиницы, пропахшем тушеной капустой — главным запахом грязноватого общепита. Из угла холла голосом хмурого диктора вещал чёрно-белый телевизор. Ему внимали буфетчица в переднике и толстая администраторша, выползшая из-за стойки. Отечественная история, не заключённая пока в учебник, разворачивалась прямо на глазах. Новый её поворот вызвал у Олега раздражение, смешанное с оторопью. Переворотчики, пожилые злобноватые дядьки при должностях, были, без всяких оговорок, защитниками старого порядка с его запретами и серой скудостью. Возвращения к нему Снетков никак не желал. Помимо прочего он опасался ещё и возможных притеснений за своё участие в нескольких вольных обществах, бодро критиковавших в последний год действующую власть, включая дядюшек, организовавших переворот. За свой вклад в жизнь Клуба защиты экономических свобод он ожидал некоей репрессии — может быть даже уголовного характера.

Они решили немедленно возвращаться. Ожидая автобуса на Москву, они прогулялись вдоль главной улицы городка с крохотным старокупеческим кварталом, пытаясь уловить признаки общественного волнения. Таковых обнаружить не удалось. Жители городка, одетые

по-летнему, спешили по своим делам, кучковались на автобусных остановках и в двух очередях, выползавших из дверей магазинов. Впрочем, в одном месте, у столба, обклеенного белыми листками, тихо роптало небольшое нештатное собрание. Подойдя ближе, Олег с Сашей убедились, что публика жадно читает листовку, уже призывавшую к сопротивлению. Реакция была сдержанной. «Вот ежели покажут себя силой, то и утвердятся», — сипло высказался какой-то местный, имея в виду переворотчиков.

Вернувшись в столицу, Олег обзвонил приятелей, уточнил обстановку, а затем, как и многие отправился на Краснопресненскую набережную, к белому зданию, ощетинившемуся баррикадами. Потолкавшись там под белыми стенами и возле редких костров, он встретил немало старых знакомых, одетых по-походному. Нервная обстановка не помешала обмену новостями из жизни. Например, в двух академических институтах нашли хитроумный способ отоваривать талоны на водку. Самая неожиданная и приятная встреча оказалась с Игорем Невьянцевым, тоже выпускником исторического. В универе они друг-друга едва знали, Игорь был, вроде бы на год старше, но теперь, встретившись, они жарко обнялись, будто двое старых бойцов. Олег уже знал, что Игорь стал

депутатом (чуть ли не самым молодым) и звездой новостных выпусков. У молодых и симпатичных депутатов журналюги брали интервью особенно охотно. Невьянцев коротко и жестко обрисовал ситуацию: люди, мерзнувшие на баррикадах, ожидали штурма со стороны спецназа. Он был одет в грязную студенческую штормовку и был в старых перчатках — участвовал до этого в нагромождении баррикад.

Олег какое-то время тоже подождал, а когда вдруг загрохотала автоматная пальба со стороны Садового, бегом отправился вместе с другими к углу кольца и Нового Арбата. Там у въезда в тоннель, вдоль бетонного бортика уже толпились люди. Стрельбы уже не было, но мужики, стоявшие на бортике, что-то хрипло кричали. Толпа была плотной, да Олег и не рвался в первые ряды. Из тоннеля валил дым, воняло солярным выхлопом, горелой резиной, раскаленным металлом, чем-то еще. Ревели двигатели. Олег толкался вместе со всеми, и все хотел расспросить кого-то о деталях, о том что он не видел, но все не было момента. Он понял, что какого-то мужчину только что раздавил бронетранспортер. Потом какой-то парень с бортика все же проорал, обернувшись через плечо: «Подожгли суку!». Потом снова коротко ударил автомат. Люди у въезда в тоннель метались и кричали. Кто-то фотографировал. Олег, между

прочим, заметил Саню Грачева, фотокора «Известий». Саня был поглощен, и Олег ему позавидовал: он тоже хотел бы готовить репортаж, который к утру нужно было бы сдать.

В итоге он все же протолкался и увидел в тоннеле горящую БМП. Но минут через 10 отвалил в сторону, потом вернулся к Белому дому, побродил между баррикад, а к пяти утра совершенно замерз и отправился ночевать домой — на метро. То есть до самого утра не продержался. Потом данный свой тихий уход он, конечно, не афишировал. Завалившись в седьмом часу в квартиру, он, помнится, долго целовался с Сашкой. Потом пошел под душ. И молодая жена, подумав, составила ему компанию. Отогревались и отмывались они часа полтора.

Через пару дней на том же месте он праздновал вместе со всеми поражение переворотчиков, гуляя по набережной и проспекту, где было перекрыто движение автомобилей. Народное гуляние протекало довольно мирно и радостно, хотя Снетков видел и пару пьяных драк — судя по всему, политически немотивированных. Сам он был относительно трезв, доволен и полон надежд. До свадьбы оставалось около двух недель. За это время нужно было решить с продуктами и спиртным.

Долгожданный день выпал на вторую субботу

сентября. Сезон иссякал, но в воздухе будто зависла пауза — обычная для этой поры. Московские парки уже начали терять листву, но урон был почти не заметен. Тусклая зелень тополей пока не поменяла оттенка, но казалась пыльной, усталой. Улицы были почти свободны: дачники на машинах убыли накануне.

После регистрации они на двух машинах отправились на Пресню. Так решил Олег. Свадебный кортеж состоял из белой «шестёрки» и зелёного «Москвича 2140». Жених с невестой ехали, понятное дело, в «шестёрке». За рулём был небольшой пухлый мужчина, друг семьи, гражданин Франции — Даниэль. С ним рядом находился молодцеватый свидетель, друг жениха Паша Зырянов. Зелёный «Москвич» вёз свидетельницу и обеих мам. Машины никак не были украшены. Молодые считали автомобильную бижутерию глупостью, по крайней мере, так считал жених. Невеста время от времени оборачивалась, насколько позволяло платье, беспокоясь, не отстал ли «Москвич». Оборачиваясь, она опускала правую ладошку на подголовник переднего сиденья и бросала взгляды на сияющее свежее колечко. Оно хорошо смотрелось на маленькой аккуратной кисти невесты в сочетании с неброским тёмно-розовым маникюром. Регистрация прошла неплохо — на конвейере пар они были только третьими, и

тетушка-поздравительница еще выглядела довольно свежей. «Шестёрка» везла молодую семью.

— Саша, ты была самая красивая невеста, — молвил друг семьи, сворачивая в переулок.

— Спасибо, Даниэль, — засмушалась невеста, — ну, не самая... там были ещё красивые девушки. Вот, прямо перед нами пара. Такая высокая девушка, с декольте... с большим таким декольте.

— Да, — жених подался вперёд, — сначала на Пресню, Даниэль, помнишь? А потом на Ленинские горы.

Вскоре автомобиль с молодожёнами выехал на набережную, потом свернул в тенистый переулок и остановился. Переулок сбегал от старой Пресни к реке и имел старое название — Глубокий. Этот угол хмуроватого, в общем, района приобрёл с недавних пор вельможный лоск. Справа нависало, таращась сотней окон, боковое крыло большого белого здания, фасадом выходившего на набережную. Из-за бокового крыла вырастала и 20-этажная башня под государственным флагом. Этот облицованный белым мрамором дом, ставший в последние дни августа самым знаменитым зданием в стране, и был целью молодожёнов.

Они выбрались из автомобиля, и уже двинулись, было вверх по переулку, но невеста, вдруг вспомнив, дёрнула жениха за руку, и они ещё

с минуту ожидали зелёный «Москвич». Потом уже всемером они обогнули угол белого здания. Открылась немного странная картина. Площадь позади здания, наполовину мощёная декоративным булыжником, была будто взрылена гигантскими граблями. Брусчатка была частично содрана, и по дальнему краю площади громоздились неровные бастионы вывороченных из земли тёмных камней. Олег не присутствовал в тот августовский день при сооружении баррикад и плохо представлял себе технологию. Поперёк площади тянулось нагромождение бетонных плит, решёток, ржавых труб, перевёрнутых парковых скамеек и того же тёмно-серого булыжника. Напоминало вытянутую грудку строительного мусора у свежестроенного дома. Но сбоку, над батареей из булыжника был установлен плакат: «Это баррикада уйдёт последней».

Компания с молодожёнами во главе дошла до баррикады и остановилась. Им навстречу откуда-то сбоку вышли четверо небритых мужчин, одетых в запylённые джинсовые куртки и штормовки.

Жених с невестой, у которой в руках был букетик астр подошли к баррикаде вплотную, ощущая взгляды. Жених принял из рук невесты букетик, положил его, опустившись на колени, на брусчатку и отступил. Небритые хранители баррикады безмолвно улыбались. На брусчатке уже

лежало несколько букетов, один — сильно подвядший. Маленькая традиция возлагать сюда цветы образовалась в первые сентябрьские дни.

Когда они снова садились в машину, жених спросил, имея в виду мужчин у баррикады:

— А интересно, если они здесь с 20 августа, то последние две недели чего делают? В палатке живут? Букеты убирают?

Водитель-француз, запуская двигатель, сказал раздумчиво:

— Эта такая инерция, Олег. Инерция революции. Она скоро... как сказать... кончится.

— Возможно, — пробормотал жених.

На Горах, у смотровой площадки стояла уже пара белых свадебных «Чаек». Стоя у гранитной балюстрады, Олег переводил взгляд с профиля Саши, стоявшей рядом, на дымную панораму Москвы. Далеко впереди громоздились сизые силуэты домов, поблёскивала золотом гроздь куполов, удачно попавшая под солнечный луч.

Сбоку пришёл терпкий одеколонный дух — рядом облокотился свидетель, массивный Паша.

— Там ещё две парочки, — сообщил он, — пора бы шампанского выпить. Они пьют уже.

Олег кивнул. Сзади незаметно подошла его мама, Зинаида Сергеевна в бежевом брючном костюме.

— У тебя молния сзади на платье

расстегнулась, — сказала она Саше, — дай-ка застегну.

— Спасибо, — прошептала Саша.

— Ну, я за шампанским в машину, — предложил свидетель.

— Идите сюда! — позвал Даниэль.

Жених с невестой пошли на зов. За ними потянулись остальные. Дальше у балюстрады пухлый Даниэль суетился между двух крупных неподвижных мужчин. Их силуэты на фоне города смотрелись внушительными.

— Бог ты мой! — сказала тёща.

— Очень натурально, да? — спросил довольный Даниэль.

Справа от него возвышался хмурый, пышно-седоволосый победоносный президент России, слева — застывший с полуулыбкой лысоватый президент СССР.

— Я там уже заплатил, — сообщил гражданин Франции, — можно с ними сделать фото. Пусть жених с невестой!

— Тема какая-то не свадебная, — усомнилась тёща, оправляя цветастое платье.

— Это символ, — настаивал Даниэль, — Это история! Олег, вы будете вспоминать.

В итоге меж двух картонных президентов разместились молодые и свидетели. Фотографировал Даниэль. Лихой порывистый ветер

играл светло-русыми волосами невесты и заставлял жениха щуриться. Свидетель Паша, как и положено, притянул к себе за талию свидетельницу Аллу, темноволосую, рослую, оставившую мужа дожидаться и пастись у праздничного стола.

— *Finita la comedia!* — прокричал Даниэль, — я имею, в виду, Олег, твою одиночную жизнь!

— Ну, теперь-то шампанского, — предложил свидетель, — прямо здесь, думаю?.. И домой.

На встречу со свадебным столом жених ехал с легкой тревогой. С самого утра знаменательного дня его беспокоили две вещи, способные вызвать определённые недоразумения в ходе торжеств. Недостаточный запас сухих и полусухих вин и вышедшая из строя задвижка в туалете, совмещенном с ванной. Причём если страх относительно быстрого выпивания вина был скорее суеверным, то с задвижкой всё было серьёзно. Её нельзя было заставить исполнить свою скромную функцию, даже притягивая дверь к себе со всей силой. Честно говоря, уже за пару недель до свадьбы Саша запиралась в туалете с большим трудом и советовала вызвать мастера. Но какого и откуда? Олег с трудом дозвонился в ЖЭК, но там могли предложить только сантехника Василия, который был на расхват. Он, к тому же не был специалистом по дверям, и вообще работал только до полудня, а потом уходил «обедать». Дверь же

туалета ко дню свадьбы совершенно рассохлась и осталась в незапираемом состоянии.

К приезду молодых в небольшой двухкомнатной квартире общей площадью 44 метра появилось восемь дополнительных стульев, выстроившихся по периметру стола.

Хозяином положения тут был профессиональный пожилой повар Равиль, под командой которого из кухни в столовую и обратно металась соседка с седьмого этажа Эмма Васильевна и Вадик Кучевский, муж свидетельницы Аллы. Вадик, впрочем, больше пасся по периметру, тихо ворую ветчину и сыр. Одну бутылку французского вина он самочинно открыл. Он был долговязый, под 1 м 85 см, тощеватый молодой человек с ироничной до глумливости манерой разговора и отменным аппетитом. Есть такой сорт мужчин — тощих, но прожорливых.

Прибытие молодых и свидетелей ознаменовалось лёгкой суетой у подъезда. Свидетельница Алла, улучив момент у лифта, заставила Олега, нести Сашу на руках на пятый этаж, отняв у невесты туфлю. Он довольно бодро одолел все десять лестничных маршей, сделав вывод, что его Сашка слегка поправилась, и исходный вес в 52 кг, кажется превзойден.

Часам к трём, когда подтянулись оставшиеся

гости — из вечно опаздывающих, над столом уже клубился прерываемый тостами разговор о наболевшем. Тёща рассказывала соседке с седьмого этажа Эмме Васильевне, как накануне не смогла отоварить талоны на сахар и водку. Причём последнюю бутылку «Столичной» хапнули прямо перед её носом.

— Вы должны завтра же прийти с этими же талонами, — поучала соседка, — они обязаны...

На дальнем конце поднялся и завладел словом один из свежеприбывших и трезвых гостей — приятель жениха по имени Кирилл. Выждав секунду, он сказал:

— Тут сегодня много говорили о красоте невесты, и совершенно справедливо. Но, я думаю, ей тоже повезло...

После чего принялся слагать хвалебную песнь жениху. Слагал он весьма складно. У Кирилла был образ милого романтического юноши с круглыми глазами и нежными лицом. Тётушки за столом хлопали крашеными ресницами. Олег, однако, знал, что начинающий адвокат Кирюша — редкостный циник, плут и ловелас. Как, вероятно, и положено молодому адвокату. Образ застенчивого взрослеющего херувима особенно хорошо работал в женской аудитории среднего возраста.

— ... У Олега есть ещё одно важное качество, — пел Кирилл, — это талант находить

нужные слова! Знаете журналист журналисту — рознь. А Олег обладает даром рассказчика! Он умеет рассказывать и на бумаге, и устно. Допускаю, этот талант сыграл свою роль при знакомстве с невестой! Итак, за то, чтобы в нужный момент найти нужные слова... а еще...

К нему уже тянулись бокалами и рюмками, а он еще формулировал звонкую концовку. Будущая теща рядом негромко заметила кому-то: «Тянул, однако, месяца четыре...» Олег слегка переживал, что пьяный Вадик Кучевский, выпив, тут же заревёт «горько!» Тут нужно было соблюдать меру. Кирилл закончил тост и, сияя, чокался со всеми. Наискосок от него тихонько и жадно пил водку какой-то совершенно незнакомый мужик в сером джемпере. Олег вяло подумал, что нужно бы узнать, откуда он взялся. Хотя проще было не заметить. На всякую русскую свадьбу среднего формата, обязательно должны затесаться посторонние — по крайней мере, парочка. Напротив него с большим аппетитом ела один из салатов жена Павла Зырянова Людмила — сама аппетитная, кругловатая, крепенькая. Она подмигнула Олегу. Олег ей улыбнулся. Он относился к сорту женихов, томящихся торжеством и с нетерпением ждущих его окончания.

Между прочим, он со смутным удовлетворением отметил, что за два года успел обзавестись в Москве изрядным количеством

друзей. Где, вот, только он стыкнулся с Кириллом? Молодой адвокат к числу университетских дружкой не относился.

Он, между прочим, заметил, что дамы как-то приспособились к сортиру без задвижки: ходили туда парами, чтоб по очереди придерживать дверь. Мужики тоже выбирались по нужде по двое, договариваясь. Паша Зырянов ходил также в туалет и с женой. Ситуация была немного пикантной, но после пяти вечера она уже, кажется, никого не смущала. Невеста старалась отлучаться в туалет незаметно и в сопровождении свидетельницы Аллы или тещи. Но в самый разгар торжества, когда в столовой всю гремяла музыка («Оттован» наяривал свою самую знаменитую вещь «Руки вверх!»), Олег перехватил Сашу на пути из кухни и выразил желание, чтобы в туалет его сопровождала именно она. Невеста чуть поартачилась, но все же прошла в маленькую ванную вместе с женихом и встала у косяка, притянув дверь за ручку к себе. Ощущая спиной ее улыбку, Олег сказал, что теперь он окончательно убедился, что она — настоящий друг. Саша хмыкнула. Олег, не застегивая брюк, переместился к раковине, чтобы теплой водой немного ублажить орган, ответственный, собственно за мочеиспускание и за другие важные функции. Саша, поглядывая от двери, осведомилась, не собирается ли он заодно принять

душ.

— Теперь ты, — предложил Олег, застегиваясь. Саша сказала, что пока не хочет. Олег еще пару минут уговаривал ее справиться нужду впрок, а она уверяла его, что нужды-то и нет. Но, в конце-концов, согласилась. Карауля дверь, Олег с удовольствием наблюдал, как его невеста, подобрав пышный белый подол, аккуратно усаживается и пристраивается — храня на личике выражение суровой заботы.

— Не смотри, — попросила она, — а то я не смогу так.

Олег сказал, что на самом деле видит только ее пышное платье. В это время извне пришел голос сильно хмельного Паши Зырянова, который, судя по всему, стоял прямо за дверью ванной, подпирая ее спиной и кого-то пропуская из кухни в прихожую. У Сашки расширились глаза, но потом она успокоилась.

— Выпить тебе нужно, — предположил Олег, — винца... А то ты трезвая очень.

— Выпью, — пообещала Саша, что-то подтягивая и поправляя.

На незакрывающийся сортир так никто и не пожаловался. Только Кирилл между делом посетовал жениху: «Туалет-то у вас, батенька, не приспособлен для интимной деятельности...» Зная о замашках Кирилла, Олег подумал, что обойдётся.